

No. 1 / 2020

Семейное и жилищное право

СЕМЕЙНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

№ 1 • 2020

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций от 12 сентября 2008 г. Рег. ПИ № ФС-7733088. Журнал выходит с 2003 г. Издается 3 раза в полугодие.

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Главный редактор журнала:
Крашенинников П.В., д.ю.н.,
профессор, заслуженный юрист РФ

Зам. главного редактора журнала:
Гонгало Б.М., д.ю.н., профессор;
Михеева Л.Ю., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ

Ответственный редактор журнала:
Чашкова С.Ю., к.ю.н., доцент

Редакционный совет:
Алябьева И.И., к.ю.н.;
Беспалов Ю.Ф., д.ю.н., профессор;
Блинков О.Е., д.ю.н., профессор;
Веняляйнен М., д.общ.н.;
Гетман Е.С., к.ю.н.;
Ключникова Я.А., к.ю.н.;
Косова О.Ю., д.ю.н., доцент;
Левушкин А.Н., д.ю.н., доцент;
Маньков И.Е., к.ю.н.;
Низамиева О.Н., к.ю.н., доцент;
Пчелинцев С.В., д.ю.н.;
Пчелинцева Л.М., д.ю.н., профессор;
Рабец А.М., д.ю.н., профессор;
Самойлов А.С., д.ю.н., профессор;
Тоцкий Н.Н., к.ю.н.;
Трунцевский Ю.В., д.ю.н., профессор;
Чефранова Е.А., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ;
Шелютто М.Л., к.ю.н.

Главный редактор ИГ «Юрист»:
Гриб В.В., д.ю.н., профессор,
чл.-корр. РАО, заслуженный юрист РФ

Редакция:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

Верстка:

Калинина Е.С.

Научное редактирование и корректура:
Швечкова О.А., к.ю.н.

Центр редакционной подписки:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный).

Адрес редакции / издательства:

115036, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Тел.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru, www.lawinfo.ru

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Журнал включен в базу данных Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ)

Подписка по России:
«Объединенный каталог. Пресса России» — 15105,
а также через www.lawinfo.ru.

Отпечатано в компании
«Национальная полиграфическая группа».
Адрес типографии: 248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.

Номер подписан: 17.01.2020.

Дата выхода в свет: 29.01.2020.

ISSN 1999-477X

Цена свободная.

Формат 60х90/8.

Печать офсетная. Физ. печ. л. 6,0.

Общий тираж 3000 экз.

© ИГ «Юрист», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

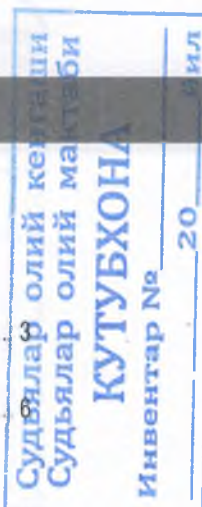
- Ананьева Е.О.** Патронажные отношения в гражданском праве Российской Федерации: проблемы правового регулирования 13
- Бондаренко И.В., Фроловская Ю.И.** Формы семейного воспитания при реализации права ребенка на защиту 18
- Васильева К.В.** Эволюция принципа родительской власти в российском и зарубежном семейном праве: исторический опыт и современные перспективы 20
- Зыков С.В.** О государственной правовой семейной политике в Российской Федерации 24
- Касаткина А.Ю.** Семейные ценности в доктрине семейного права и семейного законодательства Российской Федерации 26
- Рожнов А.А.** Заключение и прекращение брака по законодательству Российской Империи второй четверти XIX в. 20
- Семенов А.В.** Судно как предмет спора о разделе совместно нажитого имущества 24
- Химатов Х.Н.** Особенности структурных связей субъектов права общей совместной собственности 26

ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

- Зубков В.Н., Гусева И.И.** Особенности производства технической экспертизы отопительного и водонагревательного газоиспользующего оборудования жилого помещения 30
- Колоколова Е.О.** Вещное право на жилое помещение 35
- Пальцева Е.С.** Реализация права на определение порядка пользования жилым помещением собственником и нанимателем: от закона к практике 39
- Синцов Г.В., Гошуляк Т.В.** Продажа с публичных торгов как вид ответственности за самовольную перепланировку (переустройство) жилых помещений 42
- Холоденко Ю.В., Бердников С.С.** Дебиторская задолженность управляющей компании в сфере ЖКХ в процедурах банкротства 45

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Полная или частичная перепечатка авторских материалов без письменного разрешения редакции преследуется по закону.

FAMILY AND HOUSING LAW

№ 1 • 2020

RESEARCH AND PRACTICE, INFORMATION JOURNAL. REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR SUPERVISION IN THE SPHERE OF COMMUNICATIONS AND MASS COMMUNICATIONS OF SEPTEMBER 12, 2008. REG. PI №. FC-7733088. PUBLISHED SINCE 2003. PUBLISHED MONTHLY

Publisher: Jurist Publishing Group

Editor in Chief of the journal:

Krashennikov P.V.,
LL.D., Professor, Honored lawyer of the RF

Deputy Editors in Chief of the journal:

Gongalo B.M., LL.D., Professor;
Mikheeva L.Yu., LL.D., Professor,
Honored lawyer of the RF

Executive editor of the journal:

Chashkova S.Yu., PhD (Law), Associate Professor

Editorial Board:

Alyabyeva I.I., PhD (Law);
Bespalov Yu.F., LL.D., Professor,
Blinkov O.E., LL.D., Professor,
Venyalaynen M., doctor of social sciences;
Getman E.S., PhD (Law);
Kluchnikova Ya.A., PhD (Law);
Kosova O.Yu., LL.D., Associate Professor;
Levushkin A.N., LL.D., Associate Professor;
Manylov I.E., PhD (Law);
Nizamieva O.N., PhD (Law), Associate Professor;
Pchelintsev S.V., LL.D.,
Pchelintseva L.M., LL.D., Professor,
Rabec A.M., LL.D., Professor,
Samoylov A.S., LL.D., Professor,
Totsky N.N., PhD (Law);
Truntsevsky Yu.V., LL.D., Professor,
Chefranova E.A., LL.D., Professor, Honored lawyer of RF;
Shelutto M.L., PhD (Law)

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., Professor,
corresponding member of the RAE,
Honored lawyer of the RF

Editorial Office:

Lapteva E.A., Solovyova D.V.

Layout:

Kalinina E.S.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Editorial Subscription Centre:

Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel).

Correspondence Address:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115036. Tel.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru, www.lawinfo.ru

Authors shall not pay for publication of their articles.

The journal is included in the database
Russian science citation index

Subscription in Russia:
Unified Catalogue. Russian Press – 15105,
and on www.lawinfo.ru

Printed by National Polygraphic Group Ltd.,
2, Svetlaya st., Kaluga, 248031. Tel.: (4824) 70-03-37

Passed for printing: 17.01.2020.

Edition was published: 29.01.2020.

ISSN 1999-477X

Free market price. Size 60x90/8.

Offset printing. Printer's sheet 6,0.

Circulation 3000 copies.

© Jurist Publishing Group, 2020

CONTENTS

FAMILY LAW

- Ananyeva E.O.** Patronalism in Civil Law of the Russian Federation:
Legal Regulation Issues..... 3
- Bondarenko I.V., Frolovskaya Yu.I.** Forms of Family Upbringing
at Exercising of the Child's Right to Protection 6
- Vasilyeva K.V.** Evolution of the Parental Power Principle
in Russian and Foreign Family Law: Historical Experience
and Modern Prospects 9
- Zykov S.V.** On the State Legal Family Policy
in the Russian Federation 13
- Kasatkina A.Yu.** Family Values in the Doctrine of Family Law
and Family Legislation of the Russian Federation..... 18
- Rozhnov A.A.** Conclusion and Dissolution of Marriage
under the Laws of the Russian Empire of the Second Quarter
of the 19th Century 20
- Semenov A.V.** Vessel as a Subject of a Dispute over Division
of Marital Property 24
- Khimatov Kh.N.** Peculiarities of Structural Links of Subjects
of Joint Property Law..... 26

HOUSING LAW

- Zubkov V.N., Guseva I.I.** Peculiarities of Carrying out
an Engineering Examination of Heating
and Water Heating Gas Equipment of a Residential Premise 30
- Kolokolova E.O.** The Property Right to a Residential Premise 35
- Paltseva E.S.** Exercising the Right to Determine the Procedure
for Use of a Residential Premise by the Owner and the Tenant:
From Law to Practice..... 39
- Sintsov G.V., Goshulyak T.V.** Public Sale as a Type
of Liability for Unauthorized Replanning (Rearrangement)
of Residential Premises 42
- Kholodenko Yu.V., Berdnikov S.S.** Accounts Receivable
of a Management Company in the Sphere of Utility Services
in Bankruptcy Procedures..... 45

The journal is recommended by the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Science and Higher Education of the RF
for publications of basic results of PhD and doctoral theses.

Complete and partial reproduction of authors' materials without prior written permission
of the Editorial Office shall be prosecuted in accordance with law.

Патронажные отношения в гражданском праве Российской Федерации: проблемы правового регулирования

Ананьева Екатерина Олеговна,
доцент Института Академии ФСИН России
по кафедре гражданского права и процесса,
кандидат юридических наук
a.e.o.77@yandex.ru

Автор анализирует институт патронажа в законодательстве Российской Федерации, изменения, внесенные в него, а также договорное регулирование патронажных отношений. Рассматривает виды договоров, заключаемых между помощником и гражданином, в отношении которого установлены патронажные отношения. Дает оценку деятельности специализированных юридических лиц в свете международной и уже имеющейся отечественной практики, осуществляющих услуги по патронажным отношениям. Предлагает внесение в гражданское законодательство определений, связанных с институтом патронажа, а также иные пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: патронаж, престарелые граждане, помощник, попечитель, договорное регулирование патронажных отношений.

Patronalism in Civil Law of the Russian Federation: Legal Regulation Issues

Ananyeva Ekaterina O.
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Institute of the Academy of the FPS of Russia
PhD (Law)

The author analyzes the institution of patronage in the legislation of the Russian Federation, the changes made to it, as well as the contractual regulation of patronage relations. Considers the types of contracts concluded between the assistant and the citizen in respect of which patronage relations are established. Assesses the activities of specialized legal entities in the light of international and existing domestic practice, providing services for patronage relations. Offers an introduction to the civil law definitions of the related institution of patronage, as well as alternative solutions to identified problems.

Keywords: care, elderly, assistant, trustee, contractual regulation of relations of patronage.

О стабильности и благополучии в любом гражданском обществе можно судить по уровню защищенности интересов престарелых и несовершеннолетних. Это основной показатель социально-экономического развития любого государства. В России существует ряд законов и нормативно-правовых актов, предназначенных защищать и охранять интересы данной категории граждан. Одним из институтов, призванных оказывать содействие в данном вопросе, является институт патронажа. Существует ряд исследований правовых проблем, посвященных вопросам патронажа, устанавливаемого над совершеннолетними дееспособными гражданами. На сегодняшний день имеется перечень проблем, которые связаны с необходимо-

стью определения правовой природы данного института, а также его договорным регулированием, неразработанность которых отрицательно сказывается на практике его применения и возможностях защиты нарушенных прав и интересов сторон рассматриваемых правоотношений.

В настоящее время сфера регулирования института патронажа претерпела изменения в федеральном законодательстве. В ст. 41 ГК РФ последней редакции отсутствует определение «попечительство в форме патронажа», которое длительное время определяло патронаж как разновидность попечительства. Теперь разработчики исследуемых нормативно-правовых актов выделяют патронаж в самостоятельный институт, который в соот-

ветствии с отечественным законодательством может устанавливаться над совершеннолетним дееспособным гражданином, который по состоянию здоровья не способен самостоятельно осуществлять и защищать свои права и исполнять свои обязанности, и отделяют его от попечительства. К современному пониманию термина «патронаж» приводят следующие выводы. Гражданское законодательство Российской Федерации перечисляет основания для установления попечительства. Однако оно не рассматривает случаи, которые предусмотрены в ст. 41 ГК РФ. В статье 31 того же кодекса опека и попечительство рассматриваются в качестве условий, определяемых для защиты прав и интересов недееспособных либо не полностью дееспособных граждан. Еще в 1969 г. Кодекс о браке и семье РСФСР учитывал возможность установления попечительства над гражданами, которые только по медицинским основаниям, исключая психические заболевания, не могли осуществлять свои гражданские права. По действующему законодательству патронаж над дееспособными лицами не относится к формам опеки и попечительства. Институт патронажа по обновленному законодательству создан для защиты прав гражданина, который в силу состояния своего здоровья не может заботиться о себе самостоятельно. Лицо, которое находится под патронажем, полностью дееспособно. А это означает, что все юридически значимые действия оно может совершать самостоятельно. Никто не вправе без соответствующих полномочий заменить волю этого лица своей волей. Все, что требуется гражданину, который из-за своего здоровья не в состоянии осуществлять свои права и исполнять обязанности, но не страдает, например, старческим слабоумием, не имеет дефектов волеобразования или волеизъявления, это юридические действия, совершаемые другим лицом в соответствии с волей находящегося под патронажем.

Права и обязанности попечителя, установленные гражданским законодательством, кардинально отличаются от функций, возлагаемых на помощника. Например, помощник, не являясь законным представителем гражданина, не имеет права представлять его законные интересы, так как заключенным договором круг его обязанностей четко установлен. Во всех иных правоотношениях (в исполнительном производстве, в суде в качестве истца либо ответчика и т.д.), находящийся под патронажем участвует самостоятельно.

Рассматриваемая норма, бесспорно, содержит положительные элементы, и все-таки редакция ст. 41 ГК РФ далека от идеала. Из смысла ч. 1 ст. 41 ГК РФ не ясно, какой вид здоровья рассматривает законодатель. Здоровье — это состояние качества жизнедеятельности человека, которое включает в себя как психическую, так и физическую составляющую. Следовательно, поскольку одной из составляющих нахождения гражданина под патронажем является его дееспособность, которая основывается изначально на состоянии психического здоровья, следует

отграничивать психическое здоровье от соматического. Конечно, при обнаружении признаков психических отклонений либо уже психического заболевания лица, находящегося под патронажем, орган опеки и попечительства обязан обратиться в суд с заявлением о признании гражданина недееспособным. Как следствие таких действий, патронаж должен быть прекращен, а суд обязан решить вопрос о признании лица недееспособным. На основании подобного положения можно предложить изложить ч. 1 ст. 41 ГК РФ в следующей редакции: «Над совершеннолетним дееспособным гражданином, который по состоянию соматического здоровья не способен самостоятельно осуществлять и защищать свои права и исполнять свои обязанности, может быть установлен патронаж».

Отсутствие определения патронажа способствует созданию конкретных проблем в практике применения данного института, поскольку сам термин «патронаж» весьма многогранен. Например, Малая медицинская энциклопедия определяет патронаж (от франц. *patronage* — покровительство) как форму работы лечебно-профилактических учреждений, основными целями которой являются проведение на дому оздоровительных и профилактических мероприятий, внедрение правил личной гигиены и улучшение санитарно-гигиенических условий в быту. Осуществляется врачами, участковыми (патронажными) сестрами детских поликлиник, диспансеров и сельских врачебных участков и т.д. Особой формой патронажа является уход за одинокими и престарелыми больными, осуществляемый патронажными медицинскими сестрами.

В юридическом понимании патронажа нет единой позиции о его правовой природе. Сегодня существуют социальный патронаж, патронаж в медицине и т.п. Поэтому можно предложить дополнить ст. 41 ГК РФ еще одним пунктом: «Патронаж, установленный над совершеннолетним дееспособным гражданином — это способ оказания помощи в организации жизнедеятельности с участием имеющего свои обязанности помощника, при участии органа опеки и попечительства, позволяющего преодолевать собственную физическую неспособность, самостоятельно осуществлять и защищать свои гражданские права и интересы, исполнять в силу заболевания (инвалидности) гражданские обязанности». Немаловажными являются условия о требованиях, которые должны предъявляться к кандидату в помощники, так как общая норма, содержащаяся в части второй ст. 41 ГК РФ, об этом ничего не говорит¹. Причем, если рассмотреть отдельные документы, а также информацию на сайтах органов опеки и попечительства разных регионов России, то можно обнаружить, что вразрез с законом помощников часто называют опекунами. Такое положение влияет на подмену понятий и на оценку самой ситуации, когда дееспособный гражданин находится под патронажем.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

способному гражданину, нуждающемуся в помощи, приходится осмысливать возможность оказаться под опекой. Подобная ситуация приводит к отказу от необходимости обратиться за помощью к профессионалам и действовать исходя из имеющихся резервов. Пока не решаются вопросы о возможности выступать в качестве помощников при патронаже и юридических лиц. Ведь их участие на постоянной профессиональной основе могло бы облегчить жизнь достаточно большого количества граждан, столкнувшихся с рассматриваемой нами проблемой. Проводимые в Российской Федерации исследования рынка патронажа, проведенного агентством Magram Market Research, привели к выводу, что до 10% пожилых людей в России нуждаются в посторонней помощи. Спрос на оказание патронажных услуг постоянно растет. К примеру, в США уже в 2006 г. доходы патронажных служб принесли доход свыше 20 млрд долларов в год. В Российской Федерации подобная практика и, соответственно, статистика отсутствует. При подсчетах можно исходить из того, что редкая патронажная служба выполняет в месяц более 30–40 заказов. На исполнение заказа в среднем уходит неделя, стоимость работы составляет примерно 10 тыс. руб. Крупных патронажных служб всего 15, среди них – такие, как «Надежда», «Мед-сервис», «Альфа-Престиж». Значит, на них может приходиться около 117 млн в год. В Москве патронажем занимается около 200 фирм. Если учитывать и эти доходы, то их можно смело увеличить до 250 млн руб.² Таким образом, для государства развитие системы юридических как коммерческих, так и государственных учреждений, оказывающих услуги по осуществлению патронажа, должно быть выгодным. Стоит учесть, конечно, что исследованию подвергался рынок именно оказания патронажных услуг, а не взятых вместе с ними социальных и медицинских.

Рассмотрим сущность патронажного договора. Как правило, его целью является оказание гражданину части или всего комплекса патронажных и иных тесно связанных с ними услуг, из этого следует, что такого рода договоры относятся к договорам, направленным на оказание услуг.

² Пелевин А.А. Гражданско-правовое регулирование патронажных отношений в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2008.

В эту группу могут входить кроме договоров поручения и доверительного управления имуществом лиц, находящихся под патронажем, договоры возмездного оказания услуг, агентирования, постоянной ренты, иные договоры. Это говорит об исключительно имущественной направленности патронажа. Последняя редакция статьи 41 ГК РФ говорит о том, что работник организации, осуществляющей социальное обслуживание совершеннолетнего дееспособного гражданина, нуждающегося в установлении над ним патронажа, не может быть назначен помощником такого гражданина. А это означает, что патронаж не совпадает с социальным обслуживанием граждан, поскольку не включает в себя совершение помощником действий по организации питания (доставка продуктов на дом), уход на дому и т.д. Помощник, действуя на основании определенного вида договора, заключенного с патронируемым лицом, может распорядиться имуществом, оплатить счета, действуя при этом исключительно в рамках договора. Проблема установления и развития института патронажа для социального государства является весьма актуальной. Так, по данным РИА Новости от 8 октября 2018 г., зампред комитета Госдумы по охране здоровья Леонид Огуль предложил создать в России систему патронажа пожилых людей и ввести «Дни здорового пенсионера» в поликлиниках по аналогии с системой контроля за новорожденными³.

Таким образом, вопросы, которые связаны с правовым регулированием патронажных правоотношений в гражданском праве Российской Федерации, следует последовательно и активно решать, так как именно данная сфера жизнедеятельности требует совершенствования правового регулирования в связи со складывающейся социально-демографической ситуацией в стране. Ситуация, возникшая в связи с отсутствием необходимых элементов, таких как установленное гражданским законодательством четкое определение института патронажа, требования к помощникам и тому подобное, приводит к подмене самих понятий, возникновению проблем в практике применения данного института, а следовательно, отказу нуждающихся граждан от вступления в данный вид правоотношений.

³ РИА Новости. URL: <https://ria.ru/society/20181008/1530212857.html> (дата обращения 13.10.2019).

Литература

1. Пелевин А.А. Гражданско-правовое регулирование патронажных отношений в Российской Федерации : диссертация кандидата юридических наук / А.А. Пелевин. Москва, 2008. 193 с.

Мы в социальных сетях Facebook и Instagram!
Анонсы мероприятий, фотоотчеты и свежие новости нашего издательства.
ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ!

Facebook: <https://www.facebook.com/ig.lawinfo>
Instagram: <https://www.instagram.com/ig.lawinfo/>

Формы семейного воспитания при реализации права ребенка на защиту

Бондаренко Иван Васильевич,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Института государственных и муниципальных
служащих Академии ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент
avtor@lawinfo.ru

Фроловская Юлия Ивановна,
доцент кафедры гражданского права и процесса Академии ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент
yul-frol@mail.ru

В статье исследуются вопросы защиты прав и интересов детей в рамках социальной политики государства. Анализируется институт семьи, а также формы семейного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, а также детей-сирот.

Раскрываются вопросы государственной поддержки в области защиты прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей, в частности государственных гарантий и материальной поддержки. Анализируются юридические факты, на основании которых ребенок имеет право на данный вид помощи со стороны государства.

Ключевые слова: усыновление, опека, формы семейного воспитания, попечительство, ребенок, защита прав и интересов.

Forms of Family Upbringing at Exercising of the Child's Right to Protection

Bondarenko Ivan V.
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Institute of Public and Municipal Servants of the Academy of the FPS of Russia
PhD (Law), Associate Professor

Frolovskaya Yulia I.
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Academy of the FPS of Russia
PhD (Law), Associate Professor

The article examines the protection of the rights and interests of children in the framework of the social policy of the state. The institution of the family is analyzed, as well as the forms of family upbringing of children left without parental care, as well as orphans.

The issues of state support in the field of protection of the rights and interests of children left without parental care, in particular government guarantees and material support are disclosed. Analyzes the legal facts on the basis of which the child is entitled to this type of assistance from the state.

Keywords: social policy, social security, family education, adoption, government support, child, protection of rights and interests.

Фундамент правоотношений родителей и детей основан на духовно-нравственном воспитании и защите прав и интересов ребенка. Любовь, забота, взаимопонимание между родителями и детьми — это залог семейного счастья в маленькой ячейке общества. Самой социально незащищенной группой населения являются дети. Поэтому защита их прав и интересов на сегодняшний день является одной из самых актуальных проблем современ-

ного государства и общества. В соответствии со ст. 56 Семейного кодекса Российской Федерации каждый ребенок имеет право на защиту. Важнейшим правом ребенка признается право жить и воспитываться в семье. Именно семейное воспитание закладывает основы при формировании личности ребенка. На семейных ценностях строится будущее любого человека, его отношения с окружающими, морально-нравственные устои.

Семейный кодекс Российской Федерации в основных началах семейного законодательства закрепил положение о том, что семья строится на чувствах любви и взаимного уважения¹, придав данной норме особый статус, верховенство над всем «семейным полем». При этом нигде в семейном законодательстве мы не встретим определения такой правовой категории как семья. Маркетологи, социологи, философы десятилетиями рассуждают над данным понятием, при этом в рамках юриспруденции мы говорим исключительно о формах семейного воспитания детей. Формы семейного воспитания детей закрепляются в Семейном кодексе Российской Федерации. От имени ребенка и в его интересах действия по реализации прав осуществляют родители. Но как быть в той ситуации, когда у ребенка нет родителей? В этом случае мы обращаемся к нормам о формах и порядке устройства детей в семью, а также временного устройства, в том числе в организацию для детей-сирот, оставшихся без попечения родителей (ст. 2 СК РФ). В целях защиты прав и интересов детей законодательство содержит комплекс норм, позволяющих восполнить отсутствие законного представительства со стороны родителей². Данные отношения регулируются как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации (ст. 72 Конституции Российской Федерации)³.

В настоящее время формы семейного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, и детей-сирот являются одной из самых актуальных тем. Поскольку государственная политика в рамках развития семейного законодательства и социального обеспечения направлена прежде всего на поддержку тех детей, которые оказались в трудной жизненной ситуации.

Основным правом детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является право на устройство в семью. При выборе формы устройства для дальнейшего семейного воспитания во главу угла ставятся основания, по которым ребенок оказался без родительского попечения. Юридически значимыми фактами являются смерть родителей, лишение их родительских прав, ограничение в родительских правах, а также, например, длительная болезнь или признание родителей нетрудоспособными (ст. 121 СК РФ). Так, если родители ребенка были лишены своих прав в отношении него, то формой семейного воспитания в идеальной ситуации будет усыновление. Отношения, возникающие между усыновителем и усыновленным, идентичны правоотношениям родителей и детей, а значит, усыновитель сможет не только реализовать себя

в качестве родителя, но и берет на себя обязанность по его содержанию, а также будет осуществлять охрану и защиту прав несовершеннолетнего. Усыновление является бессрочной формой устройства ребенка в семью. То есть права и обязанности между усыновителем и усыновленным не прекращаются при достижении ребенком совершеннолетия, а наоборот, у усыновленного ребенка появляется ответственность перед усыновителями. Отдельной главы в СК РФ, посвященной данной группе отношений, к сожалению, нет, но при этом применяются те нормы, которые регулируют правоотношения между родителями и детьми. Полагаем, что такая позиция законодателя является не совсем обоснованной. Поскольку усыновитель в любой момент может в судебном порядке отменить усыновление. Не всегда после отмены усыновления удастся привлечь бывших усыновителей к алиментной обязанности. Считаем, что норма об алиментном содержании усыновленных детей должна носить императивный характер. В настоящий момент такая обязанность у бывших усыновителей может возникнуть только на основании решения суда, а не в силу закона. Полагаем, алиментная обязанность является формой имущественной защиты прав ребенка. К правоотношениям между усыновителем и усыновленным применяются как нормы семейного законодательства, так и гражданского, в том числе нормы о наследовании имущества. После вступления в законную силу решения суда об усыновлении правовая связь между кровными родителями и ребенком прекращается. Все обязанности по защите прав и законных интересов ложатся на плечи усыновителя.

Государство, осуществляя защиту прав и интересов ребенка, гарантирует социальную поддержку после устройства ребенка в семью. Так, если на момент усыновления ребенок имел право на пенсию по случаю потери кормильца либо на пособие, полагающееся в связи со смертью родителей, несмотря на то, что правовая связь между родителем и ребенком прервалась, он сохраняет данное право и после усыновления. В отношении детей, которые находятся под опекой, государство также гарантирует право на алименты со стороны родителей, пенсии, пособия и иные выплаты в рамках социального обеспечения. При этом реализация данных норм носит заявительный характер. Это означает, что право реализуется с того момента, когда о нем заявили в установленном законом порядке. При этом обязанность по его реализации ложится на тех лиц либо организации, которые являются законными представителями ребенка.

Семейное законодательство предполагает возможность усыновления детей как российскими гражданами, так и гражданами иностранных государств. По-прежнему острой остается проблема насилия в отношении российских детей, усыновленных иностранцами. Однако случаи отмены международного усыновления встречаются крайне редко. В настоящий момент действует полный запрет на усыновление российских детей гражданами США

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

² Ершов В.А. Опека и попечительство: юридический статус и защита прав и законных интересов детей, лишенных родительской опеки, недееспособных и ограниченно дееспособных граждан. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2008.

³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

и гражданами государств, где разрешены однополые браки. Полагаем, эти меры направлены на защиту прав и интересов российских детей, оставшихся без попечения родителей. Возможно, на законодательном уровне нужно пересмотреть «Закон Димы Яковлева», который был принят в память о ребенке, погибшем из-за халатности усыновителей. При этом предполагаем, что на законодательном уровне возможно предусмотреть для иностранных граждан иные формы устройства ребенка в семью помимо усыновления.

В соответствии со ст. 12 ГК РФ еще одним из способов защиты прав ребенка является самозащита. Самозащита гражданских прав осуществляется не только самим ребенком, но и его законными представителями в силу обязанностей, установленных в законе. Способы самозащиты не должны выходить за пределы законных действий, которые необходимы для пресечения правонарушения в отношении ребенка⁴. В том случае, если превышены пределы самозащиты, к ответственности привлекаются законные представители ребенка в рамках семейного и гражданского законодательства. Полагаем, что данная норма должна получить свое законодательное закрепление в СК РФ.

Защита прав и интересов ребенка может осуществляться как в административном, так и в судебном порядке. При административной процедуре защиты нарушенного права речь идет о специальном субъекте — органе опеки и попечительства. Опека (попечительство) по общему правилу устанавливается для защиты прав и интересов детей. Опекуны защищают права и законные интересы ребенка в отношениях с любыми лицами, в том числе в судах, без специального полномочия. Опека над ребенком устанавливается при отсутствии родительского попечения, усыновителей, лишении судом родительских прав, а также в случаях, когда дети по иным причинам остались без родительского попечения, например, когда уклонялись от воспитания либо защиты прав и интересов ребенка⁵. При этом в гражданском законодательстве содержатся нормы, запрещающие опекунам и попечителям совершать юридически значимые действия с подопечным. В том слу-

чае, если речь идет об отчуждении или уменьшении имущества подопечного, разрешение на подобного рода действия дает орган опеки и попечительства. На наш взгляд, при получении согласия на отчуждение имущества подопечного органы опеки и попечительства должны принимать во внимание не только само имущество, но и его стоимостную оценку. Особенно когда речь идет о недвижимости, собственником которой может быть и ребенок. Поскольку недвижимое имущество, его цена, в каждом субъекте Российской Федерации существенно отличается. И, продав долю в квартире ребенка в городе федерального значения, например в Москве, и купив долю в другом субъекте федерации, опекун своими действиями может спровоцировать крайне неблагоприятное имущественное положение для подопечного. Что, на наш взгляд, является недопустимым. Данные нормы касаются прежде всего имущества и имущественных прав детей.

Ребенок имеет возможность самостоятельно обратиться в органы опеки и попечительства за защитой вне зависимости от возраста. В судебном порядке о самостоятельной защите прав ребенка речь идет только в том случае, если несовершеннолетний достиг 14 лет и по основаниям, которые установлены в законе. Процессуальные права, связанные с гражданским процессом, принадлежат самому ребенку, достигшему установленного возраста, а не законному представителю. При этом если родители злоупотребляют правами в отношении прав и интересов ребенка, то на защиту его прав встают как органы опеки и попечительства, так и прокурор.

Интерес представляет норма, в соответствии с которой по семейному законодательству должностные лица организаций или граждане, которым стало известно о том, что нарушаются права и законные интересы ребенка, обязаны сообщить об этом в органы опеки и попечительства. Но санкции за неисполнение данной обязанности у граждан, к сожалению, нет. Удивителен для российского законодательства тот факт, что, прописывая обязанность, законодатель не прописал санкцию за ее неисполнение либо ненадлежащее исполнение.

Таким образом, вне зависимости от форм семейного воспитания, представляется необходимым в рамках семейного законодательства, законодательства о социальной защите и социального обеспечения оказывать поддержку детям, которые в ней нуждаются. Безусловно, государство посредством правовых норм осуществляет защиту, но основная ответственность ложится на плечи родителей, усыновителей, опекунов и попечителей.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации. Финансовые сделки. Постатейный комментарий к главам 42–46 и 47.1 / Е.В. Бадулина, Н.В. Бандурина, А.А. Борисенко и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2018.

⁵ Ершов В.А. Опека и попечительство: юридический статус и защита прав и законных интересов детей, лишенных родительской опеки, недееспособных и ограниченно дееспособных граждан. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2008.

Литература

1. Ершов В.А. Опека и попечительство: юридический статус и защита прав и законных интересов детей, лишенных родительской опеки, недееспособных и ограниченно дееспособных граждан / В.А. Ершов. Москва : ГроссМедиа, РОСБУХ, 2008. 112 с.
2. Зуев А.В. Проблемные аспекты защиты прав несовершеннолетних / А.В. Зуев, И.А. Макеева, К.П. Индык // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3. С. 117–124.
3. Тарасенкова А.Н. Ваш ребенок и его права: закон и мораль / А.Н. Тарасенкова. Москва : Редакция «Российской газеты», 2018. Вып. 15. 176 с.
4. Ходусов А.А. О механизме защиты прав детей / А.А. Ходусов // Современное право. 2018. № 3. С. 47–51.

Эволюция принципа родительской власти в российском и зарубежном семейном праве: исторический опыт и современные перспективы

Васильева Ксения Валерьевна,
доцент кафедры частного права
Государственного университета управления,
кандидат юридических наук, доцент
ksenia.vassilieva@gmail.com

В последние годы в России рядом юристов и иных общественных деятелей активно предлагается узаконить в семейном законодательстве принцип родительской власти над детьми. Однако исторический опыт указывает на то, что как Россия, так и зарубежные страны со временем полностью отказались от этого принципа. Целью статьи является проведение исследования перспектив нового появления принципа родительской власти в семейном законодательстве России с учетом исторического опыта как нашей страны, так и зарубежных стран, анализа доводов в пользу и против узаконения этого принципа, а также прогнозирование последствий возвращения принципа в российское право. При проведении исследования использованы метод исторического познания и сравнительно-правовой метод исследования.

Ключевые слова: семья, родители, дети, родительская власть, родительская охрана, родительская забота, родительская опека, дееспособность малолетних, злоупотребление властью.

Evolution of the Parental Power Principle in Russian and Foreign Family Law: Historical Experience and Modern Prospects

Vasilyeva Ksenia V.
Associate Professor of the Department of Private Law
of the State University of Management
PhD (Law), Associate Professor

In recent years, in Russia, a number of lawyers and other public figures are actively invited to legalize the principle of parental authority over children in family legislation. However, historical experience indicates that both Russia and foreign countries have completely abandoned this principle over time. The purpose of the article is to study the prospects for a new appearance of the principle of parental authority in Russia's family legislation, taking into account the historical experience of both our country and foreign countries, analyzing the arguments in favor of and against the legalization of this principle, and also forecasting the consequences of the principle's return to Russian law. During the research, the method of historical cognition and the comparative legal method of investigation were used.

Keywords: family, parents, children, parental authority, parental protection, parental care, parental guardianship, legal capacity of minors, abuse of power.

В 2015 г. известный российский парламентарий доктор юридических наук Е.Б. Мизулина выступила с предложением узаконить в семейном праве России принцип родительской власти в отношении несовершеннолетних детей. Подобная позиция нашла поддержку в определенных кругах, прежде всего среди сторонников православного воспитания и образования детей. Настоящая статья

ставит своей целью проведение исследования, насколько целесообразным может быть подобное изменение российского законодательства с учетом исторического опыта закрепления принципа родительской власти в праве России и зарубежных стран.

В первую очередь стоит определить понятие власти как вида общественных отношений. Толковый словарь

С.И. Ожегова определяет власть как «право и возможность распоряжаться кем-чем-нибудь, подчинять своей воле», при этом в качестве примера приводится словосочетание «родительская власть»¹. Как уточняет это определение политолог К.С. Гаджиев, под властью понимается «способность ее субъекта навязывать свою волю другим людям, распоряжаться и управлять их действиями, будь то насильственными или ненасильственными средствами и методами»². Таким образом, под властью понимаются общественные отношения, носящие иерархический характер, в которых один субъект подчиняет своей воле другого, в том числе насильственными методами. То есть родительская власть есть подчинение ребенка воле родителя (родителей), также возможное с применением насильственных методов.

Отметим, что более точным было бы вести дискуссию не об узаконении в России родительской власти, а о возврате в действующее законодательство ранее существовавших правовых норм. Вплоть до Октябрьской революции 1917 г. в России неограниченная власть родителей над детьми была одним из оснований семьи.

Так, Домострой как свод обычного и церковного права в Московском государстве периода Древней Руси устанавливал, что детям надлежит жить в строгом исполнении церковной заповеди о почитании родителей. Родителям же надлежало строго наказывать своих детей за несоответствие их поведения «богоугодному устройству жизни», причем отмечалось, что греховным поведением родителей считалось вовсе не слишком жестокое наказание ребенка, а «небрежение» к своим детям и соответственно к власти над ними. Отметим сразу, что подобное правило поведения базировалось на религиозных догмах, светское право в упомянутую эпоху отсутствовало. Профессор А.М. Нечаева отмечает, что подобные же положения нашли свое отражение и в первом общероссийском систематизированном законе — Соборном уложении 1649 г. царя Алексея Михайловича Романова. Несмотря на то, что Соборное уложение было попыткой объединить церковный и светский закон, в отношении родительской власти над детьми в нем закреплялось «неограниченное право отца и матери по отношению к своим детям, что отражало предписания, продиктованные церковью». «Прогресс» норм о родительской власти по отношению к нормам Домостроя отмечался только в том, что над ребенком имел власть не только отец, но также и мать.

Древняя церковная заповедь о покорности детей родителям и всевластии последних сохранилась и в эпоху Петра Первого. Указы Петра содержат подтверждение тому, что родитель, наделенный властью в отношении ребенка, имеет право применять к непослушному ребенку «домашние исправительные меры», а если такие

меры будут безуспешны, родитель мог отдать ребенка в специализированное учреждение — «смирительный дом». Однако в эпоху Петра I появляется право ребенка быть освобожденным от обязанности повиноваться родителям «против своей совести», иными словами, если родитель ведет себя противоправно³.

Нормы о родительской власти продолжали действовать в российском законодательстве и в эпоху Екатерины II, и в течение XIX века. При этом в XIX — начале XX века осуществление родительской власти не прекращалось совершеннолетием детей⁴. В ст. 164 Свода законов Российской Империи, принятого в первой половине XIX века, отмечается, что «власть родительская простирается на детей обоего пола и всякого возраста, с различием и в пределах, законами для сего постановленных». Обстоятельствами, которые могли в дореволюционный период ограничить власть родителей над ребенком (заметим — ограничить, а не прекратить), были:

- поступление детей в общественные учреждения, на которые государством были возложены воспитательные функции;

- поступление сыновей на военную службу;

- вступление дочерей в замужество.

Обстоятельствами, которые могли прекратить родительскую власть, были два обстоятельства, составлявшие так же исчерпывающий перечень, как и основания ограничения родительской власти:

- смерть родителей;

- лишение родителей всех прав состояния, если дети не следовали за родителями в место ссылки⁵.

Принцип родительской власти был исключен из российского законодательства только в 1918 г. с принятием Кодекса законов об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве⁶. Можно возразить, что эта мера была связана с тем, что в обществе молодой советской России была сильно умалена роль религиозного воспитания и вообще семейных ценностей. Законы того времени были направлены на приоритет государственного воспитания детей вместо семейного. Выход детей из-под родительской власти был призван обеспечить их переход под власть нового социалистического государства и осуществление служения прежде всего государству. Однако, когда в 30-е годы XX века и особенно после II мировой войны вновь стало придаваться большое значение семейному воспитанию детей (в том числе передаче на воспитание в семью детей, оставшихся сиротами после

¹ Толковый словарь С.И. Ожегова онлайн. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3348>

² Гаджиев К.С., Примова Э.Н. Политология: учебник. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 48.

³ Нечаева А.М. История нормативного регулирования семейного воспитания // Государство и право. 2015. № 10. С. 74–83.

⁴ См.: Туркия В.В. Проблемы эффективности родительской власти в Российской Империи // Семейное и жилищное право. 2010. № 3. С. 13–17.

⁵ См.: Вахромеева О.Б. Отношения между родителями и детьми: из истории семейного права дореволюционной России // История, университет, историк. СПб., 2014. С. 58–72.

⁶ См.: Пробина С.С. Правовое регулирование обязанностей родителей по воспитанию детей в российском законодательстве XVIII — начала XX вв. // Сборник научных трудов по материалам XII международной научно-практической конференции «Современные вопросы государства, права, юридического образования». Тамбов, 2017. С. 99–104.

войны), принцип родительской власти не был возвращен в советское семейное право. При замене в постсоветские годы Кодекса о браке и семье РСФСР на Семейный кодекс Российской Федерации также не произошло возврата к принципу родительской власти.

Сделаем допущение, что для решения вопроса о целесообразности возвращения указанного принципа в российское право недостаточно рассмотрения его истории только в России, поскольку изначально светское российское право опиралось на опыт зарубежных стран, а право социалистической России (позже СССР) формировалось во многом на духе противоречия «капиталистическому» миру. Рассмотрим эволюцию принципа родительской власти за пределами нашей страны.

Принцип родительской власти существовал и в зарубежных странах, беря свое начало из Римского права. Отцовская власть в Древнем Риме (именно власть отца, поскольку мать, женщина не была в ту эпоху полноправной гражданкой) была неразрывно связана с правами римского гражданина, она могла прекратиться или подвергнуться ограничению только в случае потери гражданских прав⁷. Однако уже в Древнем Риме, во времена императора Юстиниана, существовал правовой институт ответственности за действия отца, если он забыл о своих обязанностях по воспитанию. «Если родители вместо помощи и поддержки являются для ребенка источником порчи, нравственной заразы, развращают и эксплуатируют детей, оказываются негодными направлять их на надлежащий путь, то их власть подлежала ограничению, а права переносились на других, способных заменить детям родителей», отмечает Е.А. Казачанская по итогам анализа источников римского семейного права.

Подобные ограничения родительской власти стали применяться в Европе, хотя это произошло достаточно поздно — к XIX веку. Так, законы Англии о защите прав детей (принятые в период с 1866 г. и до конца XX века) предоставляют благотворительным учреждениям право «изымать детей из-под родительской власти, когда эта власть оказывается для них вредной». Вопрос передачи ребенка на попечение благотворительного учреждения при этом решался в судебном порядке и сохранял за родителем право вернуть ребенка в семью только в том случае, если родитель предоставит достаточные доказательства своей способности растить, воспитывать и образовывать ребенка надлежащим образом. В конце XIX века в Англии появляется даже специализированное Национальное общество защиты детей, осуществляющее такую защиту в том числе от злоупотребления родительской властью⁸.

Впоследствии в Англии произошел отказ от понятия родительской власти в пользу понятия родительской охраны. Такой же принцип изначально закреплялся правом США. По нашему мнению, понятие родительской охраны

является наиболее точным для характеристики прав и обязанностей родителей в отношении детей. Ребенок, как человек, не достигший еще достаточного уровня дееспособности для совершения широкого круга сделок, бесспорно, нуждается в дополнительной охране своих прав законным представителем. Но в то же время ребенок является правоспособным человеком и гражданином, а не объектом права, до положения которого его может низвести неограниченная родительская власть, если понимать ее так, как она понималась, например, в России до Октябрьской революции.

В праве Франции отмена принципа родительской власти произошла окончательно к 1970 г. Изначально Французский гражданский кодекс 1804 г. («кодекс Наполеона», ФГК) содержал понятие отцовской власти, поскольку мать как замужняя женщина считалась недееспособной, если только не была владелицей собственного бизнеса («коммерческого предприятия»), отличного от бизнеса мужа⁹. Власть отца во Франции была весьма обширна: например, отец мог жестко указывать место службы своим сыновьям, выбирать дочерям супруга, возвращать в семью сбежавшего из нее ребенка, заключать ребенка в тюрьму. Однако в XX веке с развитием институтов защиты детей в законодательстве Франции понятие отцовской власти было заменено на понятие отцовской заботы.

В 1889 г. по примеру Англии во Франции был принят закон «О покинутых детях и о детях, с которыми дурно обращаются родители». Этим законом во Франции было легализовано лишение родительских прав с передачей ребенка в замещающую семью (опекунам, как правило, из числа родственников) или в благотворительное учреждение¹⁰. Аналогичный закон появился через год, в 1890 г., и в Бельгии.

В 30-е годы XX века в праве Франции наконец была устранена норма о недееспособности замужних женщин, так что матери получали право осуществлять воспитание детей наравне с отцами. С 1970 г. титул (раздел) IX книги I ФГК именуется «Родительская забота (авторитет)».

В Германском гражданском уложении (ГГУ), вступившем в силу 1 января 1900 г., изначально также использовалось понятие «родительская власть», при этом отмечалось, что мать имеет право и обязанность заботиться о личности детей наряду с отцом. Для пресечения злоупотреблений родительской властью в Германии была создана специальная инстанция — Опекунский суд, который обладал существенными полномочиями по контролю и надзору за действиями родителей¹¹. Опекунский суд обладал в том числе правом вынести решение о передаче ребенка на воспитание в замещающую семью, если родители с таким ребенком плохо обращались. Позже

⁷ См., например: Дячук Л.В. Правовые формы происхождения отцовской власти в римском и ранневизантийском законодательстве // История государства и права. 2014. № 18. С. 50–55.

⁸ Казачанская Е.А. Защита детей (исторический опыт Западной Европы) // Философия права. 2014. № 1(62). С. 53–56.

⁹ См.: Васильев Е.А., Комаров А.С. и др. Гражданское и торговое право зарубежных государств : в 2 т. Т. 1. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 114–115.

¹⁰ См.: Левушкин А.Н. Генезис истории института лишения родительских прав // История государства и права. 2011. № 14. С. 18–21.

¹¹ См.: Колосок С.В. Институты брака и семьи по германскому праву конца XIX в. // Сибирский юридический вестник. 2014. № 2 (65). С. 11–15.

понятие родительской власти в ГГУ было заменено на используемое по сей день понятие родительской опеки или родительского попечения (в разных вариантах перевода на русский язык).

Подводя итог рассмотрению вопроса о применении принципа родительской власти в зарубежных странах, можно сделать ряд выводов:

- принцип обширной, в том числе неограниченной, родительской власти порождал огромное количество случаев злоупотребления родителями своей властью;
- подобные злоупотребления нарушали гармоничное развитие детей как личностей, подчас низводя их до уровня объектов права, а также вызывая у детей протестные реакции вплоть до противоправного поведения;
- возникла необходимость в создании специализированных правоохранных и воспитательных организаций для защиты прав ребенка как человека и гражданина;
- возник и стал получать развитие правовой институт лишения родительских прав как санкции за виновное поведение в отношении ребенка, в том числе за злоупотребление родителем (родителями) своей властью.

Как следствие — ко второй трети XX века принцип родительской власти в Европе *исчерпал себя*, уступив в разных зарубежных государствах место принципу родительской опеки или заботы. В праве США принцип родительской власти изначально отсутствовал, его место занял принцип родительской охраны.

Российскими исследователями не только в области права, но также в области социологии и психологии семейных отношений, отмечается, что, хотя принцип родительской власти в современном российском праве отсутствует, де-факто существуют родители, которые проявляют в семье власть над своим ребенком, в том числе посредством физического и психологического насилия. Согласно опросу, проведенному современным российским социологом А.М. Бадоновым в одном из отечественных вузов, среди 162 опрошенных студентов 15% ответило, что «воспитательные меры», принимаемые к ним в детстве родителями, представляли собой физическое насилие в виде побоев. Это негативно сказалось на психике молодых людей и вызвало у них категорическое нежелание применять физические наказания к собственным детям в будущем¹².

Специалист в области уголовного права О.Ю. Красовская отмечает, что злоупотребление родительской властью является одним из факторов, порождающих преступность несовершеннолетних граждан, когда родители «грубо воздействуют на ребенка, его поведение, унижают его человеческое достоинство, используют психологическое и даже физическое насилие», и в результате форм проявления протестной реакции являются преступления, совершенные подростками. Согласно данным О.Ю. Красовской, в 80% семей несовершеннолетних преступников родители злоупотребляли властью, причем применяемое

¹² Бадонов А.М. Власть и насилие в семье // *Власть*. 2015. № 8. С. 115–119.

к подросткам семейное насилие было в основном моральным¹³.

Наконец, принцип родительской власти слабо выдерживает критику и относительно норм международного права. Всеобщей декларацией прав человека устанавливается, что «признание достоинства, присущего *всем* членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав и является основой свободы, справедливости и всеобщего мира»¹⁴. Далее, Декларацией прав ребенка (1959) установлено, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения», при этом одной из основных целей Декларации является «обеспечить детям счастливое детство и пользование, на их собственное благо и на благо общества, правами и свободами»¹⁵. В Конвенции о правах ребенка также отмечается, что «каждый человек должен обладать всеми указанными в них правами и свободами без какого бы то ни было различия по таким признакам, как раса, цвет кожи, пол, язык, религия, политические или иные убеждения, национальное или социальное происхождение, имущественное положение, рождение или иные обстоятельства». При этом «дети имеют право на особую заботу и помощь», но при этом «ребенок должен быть полностью подготовлен к самостоятельной жизни в обществе»¹⁶.

Таким образом, международные правовые акты устанавливают в качестве цели надлежащего родительского воспитания становление ребенка самостоятельной личностью, а не «придатком» к личностям родителей, тогда как именно последнему варианту развития событий может способствовать законодательно закрепленная власть родителей над ребенком.

Аргументы сторонников возврата к законодательному принципу родительской власти часто сводятся к тому, что в современном семейном законодательстве России в родителско-детских отношениях у детей есть только права, но отсутствуют обязанности. Благодаря этому дети растут в атмосфере вседозволенности¹⁷. В качестве критики подобного мнения представляется возможным ответить, что в семейном законодательстве рассматриваются именно семейные обязанности родителей, связанные с воспитанием ребенка и предоставлением

¹³ Красовская О.Ю. Злоупотребление родительской властью в контексте причин преступности несовершеннолетних // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2015. № 1 (102). С. 184–188.

¹⁴ Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Преамбула // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Декларация прав ребенка : принята 20 ноября 1959 г. Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // *Международная защита прав и свобод человека : сборник документов*. М. : Юридическая литература, 1990. С. 385–388.

¹⁶ Конвенция о правах ребенка : одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См., например: Шиловская А.Л. К вопросу о понятии «родительская власть» // *Проблемы современной юридической науки : актуальные вопросы*. Выпуск III. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Красноярск, 2016. С. 93–96.

надлежащей охраны его прав вследствие недостаточной зрелости и дееспособности ребенка. При этом дети как граждане вовсе не освобождаются от обязанностей, устанавливаемых нормами иных отраслей права, прежде всего гражданского и административного (а с определенного возраста и уголовного). Способом преодоления «безответственности» несовершеннолетних граждан, по мнению автора, могло бы выступить их правовое просвещение на доступном для восприятия уровне в рамках реализации программ дошкольного и общего среднего

образования, в том числе знакомство с мерами ответственности за противоправные деяния. Закрепление принципа родительской власти, напротив, может причинить ребенку только вред, поскольку родители сами могут обладать преступной моралью или демонстрировать правовую неграмотность.

С учетом всего сказанного выше автору настоящей статьи представляется возможным высказаться категорически против возврата к принципу родительской власти в законодательстве России.

Литература

1. Бадонов А.М. Власть и насилие в семье / А.М. Бадонов // Власть. 2015. № 8. С. 115–119.
2. Вахромеева О.Б. Отношения между родителями и детьми: из истории семейного права дореволюционной России / О.Б. Вахромеева // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 19. С. 58–72.
3. Гаджиев К.С. Политология: учебник / К.С. Гаджиев, Э.Н. Примов. Москва: ИНФРА-М, 2017. 384 с.
4. Гражданское и торговое право зарубежных государств. В 2 томах. Т. 1 / Е.А. Васильев, А.С. Комаров [и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Международные отношения, 2006. 560 с.
5. Дячук Л.В. Правовые формы происхождения отцовской власти в римском и ранневизантийском законодательстве / Л.В. Дячук // История государства и права. 2014. № 18. С. 50–55.
6. Казачанская Е.А. Защита детей (исторический опыт Западной Европы) / Е.А. Казачанская // Философия права. 2014. № 1 (62). С. 53–56.
7. Колосок С.В. Институты брака и семьи по германскому праву конца XIX в. / С.В. Колосок // Сибирский юридический вестник. 2014. № 2 (65). С. 11–15.
8. Красовская О.Ю. Злоупотребление родительской властью в контексте причин преступности несовершеннолетних / О.Ю. Красовская // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1 (102). С. 184–188.
9. Левушкин А.Н. Генезис истории института лишения родительских прав / А.Н. Левушкин // История государства и права. 2011. № 14. С. 18–21.
10. Нечаева А.М. История нормативного регулирования семейного воспитания / А.М. Нечаева // Государство и право. 2015. № 10. С. 74–83.
11. Пробина С.С. Правовое регулирование обязанностей родителей по воспитанию детей в российском законодательстве XVIII — начала XX вв. / С.С. Пробина // Современные вопросы государства, права, юридического образования: материалы XII Международной научно-практической конференции (г. Тамбов, 22 января 2016 г.): сборник научных статей / ответственный редактор О.В. Белянская. Тамбов: Принт-Сервис, 2017. С. 99–104.
12. Туркия В.В. Проблемы эффективности родительской власти в Российской Империи / В.В. Туркия // Семейное и жилищное право. 2010. № 3. С. 13–17.
13. Шиловская А.Л. К вопросу о понятии «родительская власть» / А.Л. Шиловская // Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы: материалы по итогам международной научно-практической конференции (г. Красноярск, 11 ноября 2016 г.): сборник научных статей / редакторы Р.Г. Апсальмов, А.Г. Быкова, Ф.П. Васильев [и др.]. Красноярск: ИЦРОН, 2016. С. 93–96.

DOI: 10.18572/1999-477X-2020-1-13-17

О государственной правовой семейной политике в Российской Федерации

Зыков Сергей Викторович,
научный сотрудник Института философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук
Zykovsv@yandex.ru

В статье рассматривается Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. в связи с завершением в 2018 г. ее первого этапа. Делается вывод, что задачи в сфере правовой политики не были достигнуты преимущественно из-за системных недостатков самой концепции, многие из которых отмечались исследователями непосредственно после обнародования текста ее проекта. Ни внесение изменений в законодательство, ни судебная практика не решили проблем, на решение которых в обществе существует ярко выраженный запрос, в том числе обеспечение правовыми средствами стабильности брака, в большей степени сбалансированное правоприменение по делам о лишении и ограничении родительских прав.

Необходимо разработать новую концепцию, основу которой в значительной мере могли бы составить ряд положений Концепции по совершенствованию семейного законодательства.

Ключевые слова: семья, брак, государственная семейная политика, правовая политика, институт брака, семейная политика, семейное законодательство.

On the State Legal Family Policy in the Russian Federation

Zykov Sergey V.

Research Scientist of the Institute of Philosophy and Law
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

The article discusses the Concept of state family policy in the Russian Federation for the period up to 2025 in connection with the completion in 2018 of its first stage. It is concluded that the tasks in the field of legal policy were not achieved mainly due to the systemic flaws of the concept itself, many of which were noted by researchers immediately after the publication of the text of her project. Neither the amendments to the legislation nor the judicial practice solved the problems for which there is a pronounced request in society, including the provision of legal means of stability of the marriage, more balanced law enforcement in cases of deprivation and restriction of parental rights.

It is necessary to develop a new concept, to a large extent the basis of which could make up a number of provisions of the Concept to improve family law.

Keywords: family, marriage, state family policy, legal policy, statutory family policy, family law.

В 2018 г. завершился первый этап реализации «Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.»¹ (далее – КГСП), что является обоснованным поводом обратиться к вопросу о семейной политике в современной России.

КГСП вызвала критику начиная с вопроса ее формирования. Так, одному из критиков в межведомственной рабочей группе по ее разработке не удалось обнаружить ни одного социолога, психолога, педагога, представителя семейных и родительских общественных объединений. В общественном совете при Минтруде России, одобрявшем документ, не оказалось ни одного юриста, который специализировался бы на семейном праве, и лишь один представитель общественного объединения (родителей детей-инвалидов, т.е. предельно узкого предмета деятельности)².

Существенные изъяны в порядке подготовки КГСП неизбежным образом привели к содержательным недостаткам. Исследователь, позиция которого уже приводилась, критикует³ ее за «многосубъектность» (отсутствие конкретного органа, ответственного за реализацию), неопределенность базовых понятий, которыми оперирует КГСП («акт лишен описания объекта управленческой деятельности»), сведение содержания к «набору шаблонных мероприятий с выраженным акцентом на материальных аспектах жизнедеятельности российской семьи». Отметим, что какой бы подход из применяемых к правовой политике в теории права не использовался: теоретико-идеологический или организационно-праксеологический⁴, следует признать, что указанные недостатки критичны для документа, претендующего на выражение указанного явления. Справедливости ради по поводу «многосубъек-

ности» отметим, что некоторые специалисты в области теории права говорят о «полисубъектности», имея в виду, применительно к современной правовой политике, участие «граждан РФ как носителей суверенитета и единственного источника власти (ст. 3 Конституции РФ), а также объединений и организаций граждан», подразумевая коммуникативную методологию⁵, но, как было отмечено выше, взаимодействие с обществом не было сильной стороной подготовки КГСП.

Другие специалисты также критиковали КГСП, отмечая, например, отсутствие «стратегических целей, целевых ориентиров, индикаторов, инструментов и механизмов их достижения»⁶. Интересен критический анализ ее отдельных положений, предпринятый А.Б. Лавровым⁷. К слову, как результат критики КГСП, некоторые наиболее одиозные пассажи в окончательную редакцию не вошли.

Разумеется, мы можем найти и положительные отзывы об указанном документе, но, как правило, в этом случае не осуществляется его анализ, общее содержание исследования посвящается другим вопросам, а в качестве положительно оцениваемого обстоятельства упоминается сам факт принятия такого акта⁸; либо содержание статьи сводится к пересказу общих положений⁹.

Следует согласиться и с замечаниями в адрес КГСП, касающимися содержания предлагаемых в ней мер, большинство которых носит имущественный характер, причем направленных не на семью в целом, а на отдельных ее членов. Совсем не очевидно, что такой подход способствует укреплению семьи как целостности. Если корреля-

⁵ Там же. С. 13–14.

⁶ Вьялышина А.А. Стратегические ориентиры формирования и реализации государственной семейной политики // Островские чтения. 2015. № 1. С. 378.

⁷ Лавров А.Б. Проект Концепции государственной семейной политики в РФ как угроза для института семейного воспитания // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2014. № 40. С. 155–162.

⁸ Кабанов В.Л. Защита семьи на повестке дня международного сообщества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 1 (26). С. 150–157.

⁹ Александров И.Ф. Основные цели и принципы государственной семейной политики в современных условиях // Актуальные проблемы правоведения. 2015. № 1–2 (45). С. 6–8.

¹ Утверждено Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Российская газета. 2014. 29 августа.

² Белобородов И.И. О полной несостоятельности проекта Концепции государственной семейной политики Российской Федерации до 2025 года. URL: <https://riss.ru/analitics/5871/#.U5rFux8vPBY> (дата обращения: 04.12.2019).

³ Там же.

⁴ Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Правовая политика как управление позитивным правом: новая версия теории правовой политики // Lex Russica. 2015. Т. 100. № 3. С. 8.

ция между имущественным положением и устойчивостью брака, многодетностью и экономическим положением семьи существует, то она скорее обратная. Разумеется, это не повод для сознательного ухудшения экономического положения населения, но следует различать меры социальной поддержки и меры поддержки семьи как ячейки общества. С этой точки зрения КГСП явно не от-рефлексирана.

Недостаточная осмысленность акта проявилась и при применении отдельных понятий. Скажем, в разделе III среди системы мер упоминается «реализация дополнительных образовательных программ для мужчин в целях формирования ответственного отцовства, повышения социальной роли отца...». Если бы уважаемые авторы КГСП обратились к работам психологов и социологов, им стало бы понятно, что «ответственное отцовство» — это объективное явление, суть которого в том, что отцы кроме своих традиционных функций оказались способны выполнять и ряд функций в отношении детей, которые при традиционном разделении ролей закрепляются за матерью¹⁰. Из самого содержания понятия следует, что никаких особых «образовательных программ» в этом случае не требуется, а требуется создание условий для реализации этого самого «ответственного отцовства», например, более сбалансированное решение вопроса о постразводном воспитании детей, чем в существующей правоприменительной практике.

Как уже отмечалось, КГСП содержит большое число положений, к семье никак не относящихся, охватываемых иными сферами правовой политики. Например, явно не относится к данной сфере «обеспечение образовательного статуса осужденного несовершеннолетнего» (раздел III КГСП).

Однако сказанное не означает, что КГСП не содержит адекватных предложений. Скажем, решение задачи «по профилактике семейного неблагополучия, детской безнадзорности и беспризорности включает в себя <...> внедрение института посредничества (медиации) при разрешении семейно-правовых споров, в том числе связанных с расторжением брака между супругами», а также «совершенствование законодательства Российской Федерации в части урегулирования вопросов, <...> порядка лишения родительских прав и ограничения в родительских правах; <...> разработка и внедрение современного диагностического инструментария, учитывающего презумпцию добросовестности родителей при осуществлении родительских прав» (раздел III КГСП).

Полагаем, не надо и говорить об актуальности этих задач. Абсурдность отдельных решений о лишении родительских прав вызывает обеспокоенность в обществе, появился целый ряд общественных объединений для защиты интересов родителей. Формальный подход к предусмотренному в ст. 22 Семейного кодекса Российской Феде-

рации¹¹ (далее — СК РФ) «примирению» супругов (на наш взгляд, можно было бы предусмотреть право суда обязать супруга явиться к медиатору/психологу, если для него такая встреча безвозмездна); невозможность применения даже этой нормы к расторжению брака между супругами, имеющими несовершеннолетних детей, также вызывает непонимание (можно вспомнить, например, законопроект № 1056247-6¹² одного из субъектов Российской Федерации, затрагивающий в том числе и эти вопросы).

Согласно разделу VI КГСП, она реализуется в два этапа, при этом на первом этапе (2015–2018 гг.) «планируется проведение работы по совершенствованию семейного законодательства Российской Федерации». Посмотрим, что по вышеуказанным направлениям сделано в этой сфере за указанный период. Было принято пятнадцать федеральных законов, которыми вносились изменения в СК РФ.

Изменения охватили вопросы (в хронологическом порядке): привлечения к принудительному исполнению решений, связанных с отобранием ребенка, детского психолога, врача, педагога, переводчика и иных специалистов; уточнения порядка размещения алиментов, взыскиваемых на детей, находящихся в соответствующих организациях; уточнения требований к усыновителям; устранения неточностей во внутренних ссылках; изменения наименований участников правоотношений, для приведения в соответствие с действующим законодательством; уточнения видов экстраординарных сделок, совершаемых супругами; требований к имени ребенка и порядка присвоения ему фамилии; порядка индексации алиментов; направления судебных актов в многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг, если на его основании производится регистрация рождения; порядка освобождения от задолженности (ее уменьшения) по неустойке за просрочку уплаты алиментов и снижения размера такой неустойки; расширения возможности вступающим в брак определить дату регистрации. Как мы видим, за четыре года решено немало важных и нужных вопросов. Но по задачам, указанным выше, не сделано ровно ничего.

Возможно, проблемы были решены на уровне подзаконного регулирования? Была заявлена, как мы помним, «разработка и внедрение современного диагностического инструментария, учитывающего презумпцию добросовестности родителей при осуществлении родительских прав», но по вопросу проведения обследования условий жизни несовершеннолетних граждан и их семей продолжает действовать нормативный правовой акт, принятый в 2009 г.¹³

Может быть, все проблемы по указанным вопросам разрешил правоприменитель? В указанный период было

¹⁰ Например, см.: Новоселов В.М. Проблемы института отцовства в России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. № 3 (11). С. 176–177.

¹¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

¹² URL: http://sozd.duma.gov.ru/bill/1056247-6#bh_histtras (дата обращения: 04.12.2019).

¹³ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации «О реализации постановления Правительства Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 423» от 14 сентября 2009 № 334 // Российская газета. 2009. 29 декабря.

принято Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав»¹⁴ (далее — Постановление). Казалось бы, хороший повод уточнить и порядок лишения родительских прав, и применение его оснований. Но в Постановлении преимущественно просто пересказываются нормы семейного и процессуального кодексов. Исключения есть, но они немногочисленны и картины не меняют. Например, имеются разъяснения относительно такого основания лишения как отказ родителей взять детей из соответствующих организаций (подп. б п. 16 Постановления), но в этом случае, несмотря на исковую процессуальную форму производства, по существу спор отсутствует. В остальных случаях «уточнения» сами требуют уточнений. Например, указывается, что о наличии такого основания как злостное уклонение от уплаты алиментов может свидетельствовать «наличие задолженности по алиментам, образовавшееся по вине плательщика». Очевидно, что в этом случае, не дав хотя бы ориентировочных критериев размера задолженности, срока его возникновения, суд ровно ничего не разъяснил.

КГСП провозглашала «презумпцию добросовестности родителей» при осуществлении родительских прав, к слову, не только в числе конкретных мер, но и среди принципов государственной семейной политики. В п. 33 Постановления добросовестность родителей упоминается в одном-единственном контексте: в случае добросовестного исполнения ими своих обязанностей, тяжелое материальное положение не является достаточным основанием для отобрания ребенка. То есть речь идет только об одном, крайне редко применяемом, способе защиты прав ребенка, ни о какой общей презумпции речь не идет. Относительно обследования условий жизни ребенка содержится только стандартная формулировка, что такое обследование и заключение органов опеки и попечительства «подлежат оценке судом в совокупности со всеми собранными по делу доказательствами» (абз. 3 п. 3 Постановления). Если же обратиться к реальным правовым механизмам Постановления, то обращает на себя внимание установка, данная судам в случаях непринятия органами опеки и попечительства мер по защите прав детей, выносить в их адрес частные определения. Сама по себе она правильна, но не уравновешенная соразмерной санкцией в случае необоснованного возбуждения дела о лишении родительских прав (что само по себе является для семьи сильнейшим стрессом, а в случае ошибочного судебного решения превращается в жизненную драму, а то и в трагедию) даст практический перекос именно в том направлении, в котором эта практика вызывает обоснованное беспокойство в социуме. Таким образом, Верховный Суд дал по существу антисемейную

¹⁴ Российская газета. 2017. 20 ноября.

установку. Мы не собирались здесь критиковать указанный судебный акт, лишь обозначаем фон, на котором задачи КГСП остались нереализованными. Эта неудача отнюдь не случайна, она является закономерным результатом системных недостатков КГСП, о которых упоминалось выше.

Как уже отмечалось, КГСП вызвала негативные отклики со стороны многих специалистов и представителей общественности. В некотором смысле реакцией на нее можно считать появление Концепции по совершенствованию семейного законодательства (далее — Концепция), текст которой приводится, в частности, в заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства¹⁵. Указанное заключение, делающее вывод о необходимости доработки Концепции, по существу является отрицательным. Отметим, что содержащаяся в нем критика иногда сама вполне может стать предметом критики. Например, в п. 5 критикуются положения Концепции и предложений к ней, которые регулируют процедуру медиации в спорах, связанных с воспитанием детей: «при всей очевидности правового пробела в этой области и необходимости его восполнения включение подобных норм в СК довольно спорно при наличии специального федерального закона, регламентирующего альтернативную процедуру урегулирования споров с участием посредника». Однако наличие Гражданского процессуального кодекса не является препятствием для того, чтобы СК РФ (материально-правовой по своему основному содержанию) содержал большое количество процессуальных норм. Почему такой подход становится неприемлемым применительно к закону о медиации (при том, что авторы заключения сами признают пробельность регулирования в данной сфере)? Тем не менее многие положения заключения справедливы, следует признать и, вообще говоря, финальный вывод об «отсутствии целостности и системного подхода, фрагментарности сформулированных предложений, наличии противоречий, неполного охвата существующих проблем», все, казалось бы, так. Но если менее чем с одной сотой доли такой щепетильности подходить к КГСП... По сравнению с ней Концепция по критериям осмысленности, последовательности, пригодности к реализации находится просто на другом уровне.

Отмечая исторически обусловленные ограничения СК РФ: на момент принятия он «не мог быть ничем иным как видоизмененным, немного подправленным, но тем же кодексом о браке и семье, основанным на патерналистском подходе» (п. 3 раздела 1 Концепции), ставится вопрос о защите родительства от вмешательства. В связи с этим предполагается системная переработка положений, регламентирующих лишение родительских прав, их ограничения, отобрания ребенка (подп. 4 п. 9 раздела 1

¹⁵ Экспертное заключение по проекту Концепции совершенствования семейного законодательства Российской Федерации и Предложений по совершенствованию семейного законодательства: принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 июля 2014 г. № 132-1/2014). URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 04.12.2019).

Концепции). Соответственно, в разделе 2 п. 3 предлагается ввести в число принципов семейного права преимущественное право родителей на воспитание своих детей, презумпцию добросовестности родителей, уважение прав родителей на использование методов воспитания. Заметим, что это положение вызвало критику авторов указанного Экспертного заключения: в его п. 1 отмечено, что презумпция не может одновременно являться правовым принципом. На это Б.А. Булаевский возражает, что данное утверждение справедливо, только если говорить о назначении указанных категорий в праве, но «это не означает, что в основу правового принципа (руководящего правила поведения) не может быть положена презумпция (конструкция, придающая определенность соответствующему правилу)», и приводит в качестве примера принцип (презумпцию) добросовестности в гражданском праве¹⁶. Вернемся к Концепции: в ней предлагается обязать суд учитывать мнение ребенка (очевидно, имеется в виду по всем затрагивающим его вопросам, независимо от возраста ребенка и того, предусмотрен ли СК РФ учет его мнения по данному вопросу (п. 23); устранить правовую неопределенность в формулировании оснований для применения указанных мер (п. 28); обозначить лишение родительских прав в качестве крайней меры, предусмотреть предварительное ограничение родительских прав в качестве обязательной предварительной стадии (п. 29); закрепить судебный порядок и судебный контроль за отобранием ребенка (п. 34); определить критерии и порядок принятия решения органами опеки и попечительства о проведении обследования условий жизни ребенка (п. 36).

Предлагая решение тех или иных вопросов, авторы Концепции явно стремятся найти баланс, например, предлагая предусмотреть гарантии от злоупотреблений правом на взыскание алиментов в пользу несовершеннолетних детей (исключив и их карательный характер для плательщика, и возможность неосновательного обогаще-

ния для другого супруга), с другой стороны, предлагается установить минимальный размер алиментов, ужесточить ответственность должников по ним, учитывать факт исполнения обязанностей по уплате алиментов при рассмотрении споров о воспитании ребенка (п. 38 и 36, 40, 25 раздела 2 Концепции).

Разумеется, Концепция не лишена изъянов. В качестве примера юридико-технических недостатков можно указать на предложение п. 10 раздела 2 — при заключении брака несовершеннолетних предусмотреть получение согласия родителей (а не органов местного самоуправления, как в настоящее время). Однако существует проблема: согласно ст. 2 Конвенции ООН «О согласии на вступление в брак, минимальном брачном возрасте и регистрации браков» от 7 ноября 1962 г.¹⁷ именно «компетентный орган власти» дает разрешение на регистрацию брака до достижения установленного возраста вступления в брак. Россия в указанной конвенции не участвует, но указанную норму вполне можно считать общепризнанной в смысле известного положения Конституции Российской Федерации. Вероятно, здесь можно найти выход, связав согласие «компетентного органа» и волеизъявление родителей вступающего в брак несовершеннолетнего, но представленное в Концепции решение вряд ли сейчас имеет право на существование.

Тем не менее значительная часть предложений Концепции остается и актуальной, и реализуемой после обсуждения в среде специалистов и в обществе в целом. Потребность в системном пересмотре семейного законодательства признается исследователями¹⁸.

Очевидно, что наше общество не может себе позволить не иметь адекватной правовой политики в сфере семьи, в условиях, когда последняя находится в кризисном состоянии.

¹⁷ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/conmarr (дата обращения: 04.12.2019).

¹⁸ См., например: Левушкин А.Н. Направления совершенствования Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 55–57; Беспалов Ю.Ф. Семейное законодательство РФ: некоторые дефекты, проблемы правоприменения и направления совершенствования // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 4–7.

Литература

1. Александров И.Ф. Основные цели и принципы государственной семейной политики в современных условиях / И.Ф. Александров // Актуальные проблемы правоведения. 2015. № 1–2 (45). С. 6–8.
2. Белобородов И.И. О полной несостоятельности проекта Концепции государственной семейной политики Российской Федерации до 2025 года / И.И. Белобородов. URL: <https://riss.ru/analytics/5871/#.U5rFux8vPBY>
3. Беспалов Ю.Ф. Семейное законодательство РФ: некоторые дефекты, проблемы правоприменения и направления совершенствования / Ю.Ф. Беспалов // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 4–7.
4. Булаевский Б.А. Концепция совершенствования семейного законодательства как необходимость / Б.А. Булаевский // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 41–45.
5. Вяльшина А.А. Стратегические ориентиры формирования и реализации государственной семейной политики / А.А. Вяльшина // Островские чтения. 2015. № 1. С. 376–379.
6. Кабанов В.Л. Защита семьи на повестке дня международного сообщества / В.Л. Кабанов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 1 (26). С. 150–157.
7. Лавров А.Б. Проект Концепции государственной семейной политики в РФ как угроза для института семейного воспитания / А.Б. Лавров // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2014. № 40. С. 155–162.
8. Левушкин А.Н. Направления совершенствования Семейного кодекса Российской Федерации / А.Н. Левушкин // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 55–57.
9. Новоселов В.М. Проблемы института отцовства в России / В.М. Новоселов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. № 3 (11). С. 176–177.
10. Рыбаков О.Ю. Правовая политика как управление позитивным правом: новая версия теории правовой политики / О.Ю. Рыбаков, С.В. Тихонова // Lex Russica. 2015. Т. 100. № 3. С. 7–18.

Семейные ценности в доктрине семейного права и семейного законодательства Российской Федерации

Касаткина Анастасия Юрьевна,
доцент кафедры гражданского процесса
и организации службы судебных приставов
Всероссийского государственного университета юстиции,
кандидат юридических наук
nksmgs@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о семейных ценностях в доктрине семейного права и семейном законодательстве Российской Федерации. Автор относит к семейным ценностям социально-правовые, социально-нравственные и социально-биологические блага: взаимную любовь и взаимное уважение, понимание членами семьи друг друга, взаимное согласие, заботу членов семьи друг о друге, справедливость, здоровье, жизнь, образование; взаимное решение вопросов семейной жизни; благополучие членов семьи; семейный интерес, семейное правосознание и семейное мировоззрение; продолжение здорового рода; сохранение семейных традиций, отвечающих общечеловеческим ценностям, и передача их новому поколению; ведение быта всеми членами семьи; сохранение семьи, укрепление ее нравственной, физической, психической, духовной, интеллектуальной основ; установление и укрепление связей с другими социальными образованиями; осознание ответственности перед семьей, обществом и государством как категории социально-правовой и нравственной.

Ключевые слова: семейная ценность, интерес, благополучие, основы, ответственность.

Family Values in the Doctrine of Family Law and Family Legislation of the Russian Federation

Kasatkina Anastasia Yu.
Associate Professor of the Department of Civil Procedure and Bailiff Service
of the All-Russian State University of Justice
PhD (Law)

The article considers the issue of family values in the doctrine of family law and family legislation of the Russian Federation. The author relates to family values the socio-legal, socio-moral and socio-biological benefits: mutual love and mutual respect, understanding by family members of each other, mutual consent, caring of family members for each other, justice, health, life, education; mutual solution of family life issues; well-being of family members; family interest, family justice and family worldview; continuation of a healthy family; preservation of family traditions that meet universal values, and their transfer to a new generation; household management by all family members; preservation of the family, strengthening its moral, physical, mental, spiritual, intellectual foundations; establishing and strengthening ties with other social entities; awareness of responsibility to the family, society and the state as a category of socio-legal and moral.

Keywords: family value, interest, well-being, foundations, responsibility.

Одним из важнейших вопросов в науке семейного права является вопрос о семейных ценностях: понятии, назначении, тенденциях исследований.

Российское законодательство не содержит определения понятия «семейные ценности». В нормативных правовых актах семейные ценности представлены в различных аспектах без закрепления их определения. Так, о семейных ценностях упоминается в: 1) Распоряжении Правительства РФ от 9 апреля 2015 г. № 607-р (ред. от 28.09.2018) «Об утверждении плана мероприятий на 2015–2018 годы

по реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года»¹; 2) Распоряжении Правительства РФ от 12 декабря 2015 г. № 2570-р (ред. от 28.07.2017) «О плане мероприятий по реализации Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (вместе с «Планом мероприятий по реализации Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденных распоря-

¹ СЗ РФ. 2015. № 16. Ст. 2411.

жением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р»²; 3) Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»³; 4) Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. «Послание Президента Федеральному Собранию»⁴ и некоторых других.

Ученые-психологи семейные ценности понимают как культивируемую в обществе совокупность представлений о семье, влияющих на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия⁵.

Отметим, что юристы-семейноведы крайне редко обращались к изучению проблем, связанных с семейными ценностями в Российской Федерации⁶.

По мнению Ю.Ф. Беспалова, «семейные ценности следует понимать в виде единой системы постоянно действующих, многовековых, передаваемых из поколения в поколение, устанавливаемых различными социальными регуляторами основ жизни и деятельности, взаимного общения членов семьи между собой, с другими семьями, обществом и государством в целом»⁷.

По мнению А.М. Нечаевой, «ядро семейно-правовых отношений составляют их духовность, нравственные начала человеческого поведения, что относится к непреходящим ценностям российского общества»⁸.

П.А. Якушев отмечает, что «особое место в регулировании семейных отношений занимают традиционные семейные ценности, такие как: приоритет воспитания ребенка в семье, уважение к старшим, забота о детях, взаимная любовь и поддержка супругов и другие»⁹.

Надо полагать, что семейные ценности есть блага, назначение которых состоит в образовании семьи, ее сохранении и укреплении, продолжении здоровой жизни, положительном влиянии на семейное и общее мировоззрение и правосознание членов семьи и россиян в целом.

К семейным ценностям отнесем:

1) взаимную любовь и взаимное уважение, понимание членами семьи друг друга, взаимное согласие, заботу членов семьи друг о друге, справедливость, здоровье, образование;

2) взаимное решение вопросов семейной жизни как категория социально-правовая;

3) благополучие членов семьи как категория социально-правовая и нравственная;

4) семейный интерес, семейное правосознание и мировоззрение как многозначимые явления;

5) продолжение здорового рода; сохранение семейных традиций, отвечающих общечеловеческим ценностям, и передача их новому поколению; ведение быта всеми членами семьи; сохранение семьи, укрепление ее нравственной, физической, психической, духовной, интеллектуальной основ; установление и укрепление связей с другими социальными образованиями; осознание ответственности перед семьей, обществом и государством в целом как категории социально-правовые, нравственные и биологические.

Исследуем и теоретически обоснуем значение семейного интереса, семейного правосознания и мировоззрения членов семьи для укрепления семьи и продолжения здоровой жизни.

К сожалению, семейное законодательство исходит из осуществления семейных прав по своему усмотрению (ст. 7 СК РФ). Представляется, что данное законоположение не отвечает семейным ценностям россиян. Осуществление семейных прав по своему усмотрению объективно затруднено и может неблагоприятно повлиять на семейные связи, их прочность и длительность. Семейные права — в большей степени права членов семьи, в основе которых лежит семейный интерес как категория, характеризующая жизнедеятельность нескольких людей, образовавших семью.

Семейный интерес касается и осуществления семейных прав. Не отрицая наличия собственного интереса у каждого члена семьи, полагаем, что частный интерес действует в рамках семейного интереса. Обособленность этих понятий условная. Социальные регуляторы семейных отношений направлены на обеспечение семейного интереса в целом, который преобладает над интересом каждого члена семьи и одновременно направлен на удовлетворение потребностей, интересов членов семьи. В целом семейный интерес подвержен модернизации в зависимости от интересов членов семьи на каждом важном этапе ее жизнедеятельности. В данном случае важно, чтобы семейное правосознание и мировоззрение каждого члена семьи основывались на семейном интересе и продолжении здоровой жизни.

Семья как социально-правовой механизм действует в интересах каждого ее члена.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 31 января 2014 г. № 1-П указал следующее: «Особая роль семьи в развитии личности, удовлетворении ее духовных потребностей и обусловленная этим конституционная ценность института семьи определяют необходимость уважения и защиты со стороны государства семейных отношений, одним из принципов регулирования которых является приоритет семейного воспитания детей и реализация которых, соответственно, предполагает не только заключение брака, но и закрепление правовой связи между родителем (лицом, его заменяющим) и ребенком. Одним из средств обеспечения этой связи применительно к детям, оставшимся без попечения родителей, служит возможность их передачи в семью на воспитание (усыновление (удочерение), под опеку или попечительство,

² СЗ РФ. 2015. № 51 (часть III). Ст. 7408.

³ Российская газета. 2010. 31 декабря.

⁴ Российская газета. 2019. 21 февраля.

⁵ Определение «Семейные ценности» // Глоссарий терминов / Олифинович Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф. Психология семейных кризисов, 2006. С. 18.

⁶ Беспалов Ю.Ф. К вопросу о семейных ценностях в РФ // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 4–6; Беспалов Ю.Ф. Семья как социальная ценность: социально-правовой аспект // Образование, наука, научные кадры. 2018. № 3. С. 55–57; Семейное право: учебник / А.М. Нечаева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт»; ИД «Юрайт», 2011; Якушев П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика: монография. М.: Проспект, 2018.

⁷ Беспалов Ю.Ф. К вопросу о семейных ценностях в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 6–8.

⁸ Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007. С. 38.

⁹ Якушев П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика: монография. М.: Проспект, 2018.

в приемную семью либо в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, в патронатную семью)»¹⁰.

В Апелляционном определении Воронежского областного суда от 18 октября 2016 г. по делу № 33-6918/2016 указано: «Удовлетворяя частично искивые требования К.Л., суд первой инстанции исходил из того, что по своим нравственным качествам, состоянию здоровья, материально-бытовым и жилищным условиям истец имеет возможность общаться с внучкой и создавать условия для ее надлежащего воспитания и развития, и пришел к выводу о том, что такое общение является обязательным с целью надлежащего развития ребенка, формирования базовых представлений об окружающем мире, семейных ценностях»¹¹.

¹⁰ СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 735.

¹¹ СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Беспалов Ю.Ф. К вопросу о семейных ценностях в РФ / Ю.Ф. Беспалов // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 4–6.
2. Беспалов Ю.Ф. Семья как социальная ценность: социально-правовой аспект / Ю.Ф. Беспалов // Образование. Наука. Научные кадры. 2018. № 3. С. 55–57.
3. Семейное право : учебник / А.М. Нечаева. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2011. 285 с.
4. Якушев П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика : монография / П.А. Якушев. Москва : Проспект, 2018. 144 с.

Таким образом суды Российской Федерации, в том числе Конституционный Суд РФ, выделяют специфику семейных ценностей.

Изложенное позволяет заключить следующее.

Сохранение, укрепление и модернизация семейных ценностей объективно требуют совершенствования семейного законодательства и, в частности, положений об интересе членов семьи при осуществлении семейных прав.

Необходимо предусмотреть в СК РФ, его ст. 7, правило о том, что при осуществлении семейных прав членам семьи следует исходить из семейных интересов, рассматривая семейный интерес как потребности семьи в целом, включающие потребности каждого члена семьи и их значимость для семьи в целом на каждом этапе ее жизнедеятельности.

DOI: 10.18572/1999-477X-2020-1-20-23

Заключение и прекращение брака по законодательству Российской Империи второй четверти XIX в.

Рожнов Артемий Анатольевич,
профессор департамента правового регулирования
экономической деятельности Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент
roartan@mail.ru

Статья посвящена характеристике русского брачного права во второй четверти XIX века. Рассматриваются такие вопросы, как источники брачного права, лица, имевшие право вступать в брак, условия заключения брака и его прекращения.

Ключевые слова: Российская Империя, история русского права, семейное право, брачное право, Свод законов Российской Империи.

Conclusion and Dissolution of Marriage under the Laws of the Russian Empire of the Second Quarter of the 19th Century

Rozhnov Artemiy A.
Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Operations
of the Financial University under the Government of the Russian Federation
LL.D., Associate Professor

The article represents a description of Russian marriage law in the 2nd quarter of the 19th century. The author reviews such aspects as the sources of the marriage law, the persons who had the right to marry, conditions of marriage and its termination.

Keywords: the Russian Empire, history of Russian law, family law, marriage law, the Digest of Laws of the Russian Empire.

Ключевым законодательным актом, регулировавшим брачно-правовые отношения во второй четверти XIX века, являлся Свод законов гражданских Свода законов Российской Империи¹. Книга 1 Свода законов гражданских «О правах и обязанностях семейственных» включала такие институты семейного права, как, во-первых, брачное право, регламентировавшее заключение и прекращение брака, а также личные и имущественные отношения супругов; во-вторых, родственный союз, т.е. отношения между родственниками, прежде всего между родителями и детьми; и, в-третьих, опека и попечительство над несовершеннолетними и психически неполноценными лицами.

Помимо Свода законов гражданских, брачно-семейные отношения также регламентировались Уставом духовных консисторий 1841 г.², а именно его разделом 3, посвященным епархиальному суду. Нормы данного раздела среди прочего предусматривали основания и порядок признания брака недействительным и его расторжения, а также удостоверения факта заключения брака и рождения детей в законном браке.

Наконец, еще одним источником семейного права в рассматриваемый период продолжали оставаться соответствующие постановления церковного (канонического) права, актуальность и практическая значимость которых обуславливались тем, что брак по-прежнему воспринимался законодателем как преимущественно религиозный акт.

Свод законов гражданских разрешал заключать брак представителям всех сословий, причем без получения на это разрешения со стороны государственных или сословных органов. Исключение из данного правила составляли монашеские, священники и дьяконы, которым в силу канонических постановлений запрещалось вступать в брак, пока они пребывали в духовном сане. В то же время закон предусматривал целый ряд условий заключения брака и препятствий к нему, юридическое значение которых было неодинаково. Нарушение некоторых из них влекло за собой признание брака ничтожным с самого начала, а несоблюдение других хотя и не означало недействительности брака, но порождало для виновных лиц определенные негативные последствия³. Впрочем, в Своде законов гражданских все эти условия, сформулированные в виде запретов, не разграничивались и закреплялись в форме единого перечня. Кроме того, некоторые требования к брачующимся в Своде не указывались, но предусматривались нормами церковного (канонического) права.

Брак признавался действительным при соблюдении следующих условий:

1) наличие взаимного и непринужденного согласия на брак жениха и невесты и отсутствие обмана при заключении брака путем подстановки одного лица вместо другого. Подчеркивая необходимость свободного волеизъявления при вступлении в брак, закон запрещал родителям принуждать детей (физически или угрозами), а помещикам — своих крепостных людей к заключению брака против их желания. Впрочем, несмотря на законодательный запрет, на практике браки по принуждению со стороны родителей или помещиков были весьма распространенными;

2) нахождение брачующихся лиц в брачном возрасте.

Минимальный возраст вступления в брак определялся церковным (каноническим) и светским правом по-разному: возраст церковного брачного совершеннолетия составлял 15 и 13 лет для мужчин и женщин соответственно, а гражданское брачное совершеннолетие, согласно Своду законов, наступало по достижении мужчинами 18 лет и женщинами 16 лет. При этом нормы церковного (канонического) и светского права о минимальном брачном возрасте действовали параллельно и на практике применялись следующим образом: если брак был заключен по достижении женихом и невестой 15 и 13 лет, но до наступления брачного совершеннолетия по светскому законодательству, то такой брак признавался действительным и, следовательно, не расторгался, однако супруги временно разлучались (если жена не была беременна) до достижения ими 18 и 16 лет, после чего они снова соединялись без повторного церковного венчания.

В отличие от минимального, максимальный возраст вступления в брак определялся однозначно и составлял 80 лет.

Четкое соотношение возрастов жениха и невесты в Своде законов не устанавливалось, но чрезмерная возрастная разница между ними с точки зрения церковного (канонического) права должна была служить препятствием к заключению брака;

3) психическая и физическая способность лица к брачному сожителю. Запрещалось вступление в брак психически больным лицам (безумным и сумасшедшим), а также скопцам (кастратам) и импотентам. При этом физическая неспособность к браку могла служить препятствием к нему, только если она была официально констатирована еще до его заключения;

4) несостояние лица в другом нерасторгнутом браке;

5) несостояние лица ранее в трех браках;

6) отсутствие судебного запрета на вступление в брак. Лицу могло быть запрещено вступать в новый брак в качестве наказания за преступление против брачного союза, в частности, за прелюбодеяние, или при доказанной физической неспособности к брачному сожителю;

7) вероисповедное единство жениха и невесты. Впрочем, данное требование уже не являлось столь же категоричным, как в допетровской России, поэтому Свод законов гражданских разрешал православным заключать браки с представителями других христианских конфессий (при соблюдении ряда условий, например, о крещении и воспитании детей от такого смешанного брака в право-

¹ Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. СПб., 1832. Т. 10. Свод законов гражданских и межевых; Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. СПб., 1857. Т. 10. Ч. 1. Свод законов гражданских.

² Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. СПб., 1842. Т. 16. Отд. 1. № 14409.

³ Дореволюционный канонист (специалист в области церковного (канонического) права) А.С. Павлов называл условия первой группы («разрывающие» брак) условиями действительности брака, а второй («запретительные», «препятствующие») — условиями его правильности (Павлов А.С. Курс церковного права. СПб., 2002. С. 232).

славной вере), а протестантам — даже с некоторыми нехристианами;

8) отсутствие между брачующимися близкого родства или свойства. Близость родства и свойства определялась по линиям и степеням, законодательная характеристика которых давалась в нормах Свода законов гражданских о родственном союзе. Запрещалось вступление в брак при наличии кровного родства или двухродного свойства до 4-й степени включительно или трехродного свойства в 1-й степени⁴. Впрочем, крестьянское обычное право относилось к родственным бракам не так строго, как церковное (каноническое) право, поскольку в крестьянской среде считалось, что «трудолюбие потенциальных жениха и невесты и их имущественное положение были более значимыми факторами, чем состояние в определенной степени родства». Поэтому среди крестьян браки между двоюродными братьями и сестрами, т.е. родственниками в 4-й степени, не являлись редкостью⁵.

Формальный запрет на заключение брака между родственниками по усыновлению в законодательстве отсутствовал, но признавался фактически. Аналогичная ситуация была и с браками между незаконнорожденными и их родственниками: несмотря на то, что светский закон обходил этот вопрос молчанием, такие браки также запрещались до 4-й степени родства включительно. Что касается браков между лицами, находившимися в духовном родстве, то они не допускались между восприемниками (крестными), воспринятыми (крестниками) и родителями последних.

К условиям правильности брака, т.е. таким, несоблюдение которых не приводило к его недействительности, а лишь влекло за собой неблагоприятные последствия для брачующихся и причастных к такому браку духовных лиц, относились следующие условия:

1) согласие родителей (опекунов, попечителей) на брак. При этом закон не требовал представления родителями письменного разрешения на брак детей, и для его заключения было достаточно того, что священнику, совершавшему венчание, было неизвестно о родительском запрещении;

2) письменное разрешение на вступление в брак лица, состоявшего на военной или гражданской службе, со стороны его начальства;

3) разрешение помещика на брак крепостного крестьянина или дворового человека;

4) разрешение епархиального архиерея на заключение брака лицами, находившимися в 5-й, 6-й или 7-й степени кровного родства или двухродного свойства либо во 2-й или 3-й степени трехродного свойства;

⁴ Двухродное свойство возникает вследствие одного брака между представителями двух семей, а трехродное свойство образуется в результате двух браков между представителями трех семей, а именно когда два члена одного рода заключают браки с членами двух других родов или когда одно и то же лицо последовательно вступает в два брака с членами двух разных родов (Павлов А.С. Указ. работа. С. 247).

⁵ Нижник Н.С. Нормативные основания регулирования брачно-семейных отношений // Памятники российского права : в 35 т. / под ред. Р.Л. Хачатурова. М., 2017. Т. 10. Законодательство первой половины XIX века в сфере частного права. С. 281.

5) знание женихом и невестой Символа веры, Десяти заповедей и некоторых молитв, а также их явка на исповедь и причастие Св. Тайн в течение года до заключения брака;

6) совершение бракосочетания правомочным священником в надлежащем месте и в разрешенное время.

Порядок заключения брака был следующим.

Лицо, желавшее вступить в брак, письменно или устно уведомляло об этом своего приходского священника с указанием своего имени, чина, состояния и имени и состояния невесты. После этого происходило «оглашение», т.е. оповещение священником прихожан в первые три воскресенья о предполагаемом браке с призывом к тем из них, кто знал о каких-либо препятствиях к нему, письменно или устно сообщить об этом. Если в течение трех недель со дня последнего оглашения не обнаруживалось никаких препятствий к заключению брака, то совершался «обыск», представлявший собой внесение в специальную «обыскную» книгу записи об отсутствии препятствий к браку, которая удостоверялась подписями жениха и невесты, двух или более поручителей за них, священника и других членов причта. К обыску также прилагались необходимые документы, подтверждавшие законность брака (метрические свидетельства, разрешение начальства и др.). В случае обнаружения до или во время венчания того или иного препятствия к заключению брака священник должен был остановить процесс бракосочетания и проинформировать об этом епархиального архиерея, который либо сам принимал решение по данному делу, либо передавал его на рассмотрение Синода.

Бракосочетание совершалось в форме венчания исключительно в присутствии жениха и невесты и при 2–3 свидетелях, которые затем письменно удостоверяли факт заключения брака в метрической книге. Местом бракосочетания являлась церковь, а при невозможности совершить его в церкви, что, в частности, могло иметь место в Сибири, где из-за огромных расстояний ближайшая церковь могла находиться очень далеко, брак мог быть заключен с разрешения епархиального архиерея и вне церкви, например, в часовне. Согласно церковным правилам бракосочетания не совершались во время Великого, Петрова, Успенского и Рождественского постов, по вторникам, четвергам и субботам и в некоторые другие дни. Венчание происходило днем, при этом запрещалось венчать одновременно несколько пар.

Главным доказательством факта заключения брака служила запись об этом в метрической книге. При необходимости также могли использоваться записи в обычных и исповедных книгах, показания совершавших бракосочетание священно- и церковнослужителей, свидетельские показания лиц, которые присутствовали при венчании.

Закон предусматривал несколько оснований прекращения брака.

Во-первых, это происходило в силу естественной причины, а именно вследствие смерти одного из супругов. Оставшийся в живых супруг имел право вступить в новый брак при условии, что он не достиг предельного брачного возраста и новый брак не стал бы для него четвертым.

Во-вторых, брак прекращался в результате его отмены в связи с признанием такого брака недействительным из-за нарушения тех или иных существенных условий вступления в брак. При этом юридические последствия отмены брака были различными в зависимости от того, какие именно условия были нарушены виновным (виновными). Например, если лица, сочетавшиеся браком в недопустимой степени родства, подвергались лишь церковным наказаниям и потом могли снова вступать в брак, то виновный в заключении брака по принуждению или обману привлекался к уголовной ответственности, а в качестве дополнительного наказания на него могла быть возложена обязанность содержать как пострадавшую сторону до ее вступления в новый брак, так и рожденных от этого брака детей.

Незаконный брак подлежал отмене только при жизни обоих супругов, и переживший другого супруг сохранял все права, приобретенные в связи с браком, даже если впоследствии он был признан недействительным. Поэтому если при жизни супругов не поступало заявлений о незаконности брака, то после смерти одного из них такие заявления уже не принимались. В 1850 г. был введен новый порядок, согласно которому после смерти одного из супругов открытие судебного спора относительно юридической судьбы имения и гражданских прав и преимуществ другого супруга и рожденных в браке детей допускалось в течение двух лет с момента смерти супруга. На основании информации, полученной от епархиального начальства о законности или незаконности данного брака, светский суд выносил решение о его гражданских последствиях.

В-третьих, брак, являвшийся законным и действительным, мог быть расторгнут при возникновении необходимых оснований для этого. Дела о разводах⁶ в обязательном порядке поступали на рассмотрение и утверждение Синода. Самовольное расторжение брака по одному лишь взаимному согласию супругов категорически запрещалось, а священно- и церковнослужители, равно как и государственные органы, не имели права, соответственно, давать супругам разводные письма и утверждать какие-либо акты, «клонившиеся к разрыву супружеского союза». В целом и Церковь, и государство относились к разводам крайне отрицательно и старались им воспрепятствовать.

В качестве оснований для расторжения брака выступали следующие обстоятельства:

1) прелюбодеяние мужа или жены, т.е. половая связь супруга с посторонним лицом (состоявшим или не состоявшим в браке), совершенная осознанно и свободно. Одного

лишь собственного признания супруга в прелюбодеянии, без проверки соответствия его слов с другими обстоятельствами дела было недостаточно для развода. Также не являлось основанием для расторжения брака вступление одного из супругов в противоестественную половую связь на стороне;

2) безвестное отсутствие одного из супругов в течение 5 лет. При подаче на развод по данному основанию следствие устанавливало наличие брака между заявителем и отсутствовавшим лицом и выясняло у родственников последнего и местных жителей, не знал ли кто-либо из них о местонахождении «отлучившегося» лица, о его поведении и о том, не дал ли сам заявитель повода для ухода от него. При установлении местонахождения отсутствовавшего лица дело прекращалось;

3) физическая неспособность супруга к брачному сожителю, если она возникла до брака и со дня заключения брака прошло не менее трех лет. Никакие другие болезни, даже самые серьезные и неизлечимые, не могли служить основанием для развода;

4) осуждение супруга к ссылке в Сибирь, если другой супруг не последовал за ним в ссылку. В этом случае каждый из супругов имел право подать заявление о разводе;

5) нежелание инородца, принявшего Православие, продолжать жить с некрещеной женой. Такому новокрещеному лицу разрешалось развестись и вступить в новый брак с православной;

6) принятие монашества обоими супругами при условии отсутствия у них детей, требовавших родительского попечения, и достижения установленного возраста (не менее 50 лет). Данное основание прекращения брака, строго говоря, являлось не разводом, а пожизненным разлучением супругов.

Как и при отмене брака, юридические последствия его расторжения были неодинаковыми. Скажем, при доказанной физической неспособности супруга к брачному сожителю ему запрещалось впредь вступать в брак, а прижитые в браке дети признавались незаконнорожденными; прелюбодей же также пожизненно лишался права на вступление в брак и дополнительно подвергался церковным наказаниям.

Помимо норм, регулировавших браки между православными, Свод законов гражданских содержал постановления о браках православных с инославными, инославных между собой, христиан с нехристианами и нехристиан между собой. Браки неправославных христиан заключались согласно предписаниям и обрядам соответствующих Церквей, а нехристианские жители Империи вступали в брак «по правилам их закона и по принятым обычаям» без вмешательства государственных органов и церковных властей.

⁶ Термином «развод» зачастую обозначалось не только расторжение брака, но и его отмена.

Литература

1. Неволин К.А. История российских гражданских законов. Ч. 1. Введение и книга первая о союзах семейственных / К.А. Неволин. Москва : Статут; КонсультантПлюс, 2005. 590 с.
2. Нижник Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории : монография / Н.С. Нижник. Санкт-Петербург : Юридический Центр Пресс, 2006. 272 с.
3. Павлов А.С. Курс церковного права заслуженного профессора Императорского Московского университета А.С. Павлова [чит. в 1900–1902 г.] / А.С. Павлов ; ответственные редакторы В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Санкт-Петербург : Лань [и др.], 2002. 384 с.
4. Суворов Н.С. Учебник церковного права / Н.С. Суворов ; под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. Москва : Зерцало, 2004. 504 с.

Судно как предмет спора о разделе совместно нажитого имущества

Семенов Андрей Викторович,
доцент кафедры гражданского и международного права
Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова,
кандидат юридических наук
novolawyer@inbox.ru

Семейное право в качестве имущества, подлежащего разделу, указывает вещи, в том числе и недвижимые. К таковым относится и судно. В статье рассматриваются вопросы раздела судна, которое включается в состав совместно нажитого имущества супругов.

Ключевые слова: семейное право, судно, морское судно, судебная практика, совместная собственность, регистрация судна, раздел имущества, совместно нажитое имущество.

Vessel as a Subject of a Dispute over Division of Marital Property

Semenov Andrey V.
Associate Professor of the Department of Civil and International Law
of the Admiral Ushakov Maritime State University
PhD (Law)

Family law as property subject to division, indicates things, including real estate. These include the ship. The article deals with the division of the vessel, which is included in the jointly acquired property of the spouses.

Keywords: family law, vessel, sea vessel, judicial practice, joint ownership, vessel registration, division of property, jointly acquired property.

Раздел общего имущества супругов регулируется в ст. 38 СК РФ¹. В тех случаях, когда необходимо разделить общее имущество супругов, следует учитывать, что данные действия можно произвести в период брака, его расторжения и в течение трех лет после расторжения брака. Преимущественно раздел имущества происходит после расторжения брака в ближайший год. В остальных случаях раздел возможен в случае смерти одного из супругов, поскольку по наследству переходит только часть совместно нажитого имущества, являющаяся по закону собственностью наследодателя.

В браке супруги наделены равными правами. Поэтому в законе закреплён принцип равенства долей супругов, который применяется при разделе общего имущества в силу п. 1 ст. 39 СК РФ. В содержании брачного договора могут быть установлены иные доли, которые причитаются каждому из супругов. Преимущественно брачные договоры заключаются:

– между супругами, которые ранее находились в брачных отношениях и прошли процедуру раздела имущества в судебном порядке;

– возрастной состав – от 30 лет².

Особенный интерес представляет раздел редко встречающегося объекта по такого рода спорам – судна.

В соответствии с ч. 1 ст. 7 КТМ РФ под судном понимается самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое в целях торгового мореплавания³. При этом существуют следующие виды судна: суда рыболовного флота, маломерное судно, прогулочное судно, спортивное парусное судно, морская плавучая платформа.

Также следует учитывать, что кроме «морского», есть еще и «речной» закон. Так, в соответствии со ст. 3 КВВТ РФ под судном понимается самоходное или несамоходное плавучее сооружение, которое предназначено для

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 29.05.2019) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

² Реутов С.И. Практические вопросы заключения брачного договора // Нотариус. 2003. № 5. С. 32.

³ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.

использования в целях судоходства. Сюда же относятся: судно смешанного плавания, паром, дноуглубительный и дноочистительный снаряды, плавучий кран, а также некоторые иные технические сооружения такого же характера⁴.

На практике возникает вопрос: является ли судно предметом спора о разделе совместно нажитого имущества между супругами? В этом случае следует исходить из регламентации владения судном на праве собственности.

Если учитывать ст. 8 КТМ РФ, то судовладельцем считается лицо, которое эксплуатирует судно от своего имени, является ли оно собственником судна или действует на другом законном основании. Ограничений по субъекту права собственности на суда законодатель не устанавливает. Поэтому можно сделать вывод о том, что судном может владеть физическое лицо.

Более того, в той же ст. 3 КВВТ РФ указано, что судовладельцем является гражданин Российской Федерации или юридическое лицо, зарегистрированное в Российской Федерации, которое эксплуатирует судно под Государственным флагом РФ от своего имени. Но это не зависит от того факта, являются ли они собственниками судна, или имеют статус доверительных управляющих, или использование судна происходит на иных законных основаниях.

Исходя из этого, судно может являться предметом спора о разделе совместно нажитого имущества между супругами.

При рассмотрении данной категории споров следует учитывать тот факт, что судно используется, как правило, для ведения предпринимательской деятельности и может быть передано третьим лицам по различным сделкам, в том числе и по договору купли-продажи. Поэтому важно привлечь для участия в деле всех заинтересованных лиц, чтобы не нарушить их права и обязанности. Показательным является пример из практики судов Республики Коми⁵.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Республики Коми в апелляционном порядке отменила решение Печорского городского суда Республики Коми, которым искивые требования П. к Н., ООО «Судоходкомпания» о признании недействительной сделки по передаче П. в уставный капитал ООО «Судоходкомпания» недвижимого имущества — самоходного сухогрузного грузового судна и несамоходного сухогрузного площадки-судна, совершенной на основании решения участников ООО «Судоходкомпания», удовлетворены.

Апелляционной инстанцией установлено, что районным судом была признана недействительной сделка по передаче П. в уставной капитал ООО недвижимого имущества в виде судна. При этом суд исходил из норм ст. 35 СК РФ, которая предусматривает, что владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов осуществ-

ляется только по их обоюдному согласию. Указанная сделка была признана недействительной, поскольку при ее совершении отсутствовало согласие истца, супруги собственника, а также участника ООО. Вместе с тем в силу ч. 3 ст. 253 ГК РФ каждый из участников совместной собственности вправе совершать сделки по распоряжению общим имуществом, если иное не вытекает из соглашения всех участников. Совершенная одним из участников совместной собственности сделка, которая связана с распоряжением общим имуществом, может быть признана недействительной по исковому требованию остальных участников в связи с отсутствием у участника, который совершил сделку, необходимых полномочий в случае, если установлено, что другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать о данном факте. Такое же требование содержится и в ст. 35 СК РФ. Исковые требования П. затрагивают также права и обязанности Т., который был сотрудником ООО и являлся участником общества. К нему после выхода П. из состава учредителей ООО перешла доля Н., поэтому он является единственным участником ООО.

Также по данной категории споров следует учитывать, что на практике спор в отношении каждого в отдельности объекта недвижимости сводится, по существу, к определению долей в праве собственности на него и к установлению порядка пользования им. Но если у супругов имеется несколько объектов имущества, то появляется возможность в одном процессе распределить их между ними, т.е. произвести их раздел, а при необходимости в счет компенсации передать одному из них другое имущество.

Кроме того, не следует забывать о законодательных установлениях обязательной регистрации права собственности на судно. Так, в соответствии со ст. 16 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ судно регистрируется в одном из реестров судов Российской Федерации. К ним относятся: Государственный судовый реестр; реестр маломерных судов; реестр арендованных иностранных судов; Российский международный реестр судов; реестр строящихся судов.

При этом под государственной регистрацией судна и прав на него понимается акт признания и подтверждения государством возникновения, ограничения (обременения), перехода или прекращения прав на судно в соответствии с гражданским законодательством.

В силу ст. 15 КВВТ РФ основанием возникновения права собственности на судно или часть судна является момент государственной регистрации права.

В соответствии со ст. 33 КТМ РФ судно подлежит государственной регистрации в одном из реестров судов Российской Федерации: Государственном судовом реестре; реестре маломерных судов; бербоут-чартерном реестре; Российском международном реестре судов; Российском открытом реестре судов; реестре строящихся судов.

В соответствии со ст. 27 Приказа Министерства транспорта России от 19 мая 2017 г. к заявлению о первоначальной государственной регистрации, которое пода-

⁴ Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. 2001. № 11. Ст. 1001.

⁵ Определение Верховного Суда Республики Коми от 9 июня 2011 г. № 33-3025/2011. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ase=SOSZ&n=20826#012989358882984492>

ется в орган государственной регистрации, прилагаются в том числе и правоустанавливающий документ (правоустанавливающие документы)⁶.

Вместе с тем ни законодатель, ни Министерство транспорта не раскрыли понятие правоустанавливающего документа. Для избежания неясности в толковании данного

понятия предлагается раскрыть и перечислить документы, которые являются правоустанавливающими для перехода и регистрации права собственности на судно. Это поможет избежать недопонимания и в судебной практике.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что судно также может являться предметом спора о разделе совместно нажитого имущества между супругами. Вместе с тем при решении данной категории споров следует учитывать специфику и особенности документов, представляемых в обоснование заявленных исковых требований и возражений на них.

⁶ Приказ Министерства транспорта России от 19 мая 2017 г. № 191 «Об утверждении Правил государственной регистрации судов, прав на них и сделок с ними в морских портах и централизованного учета зарегистрированных судов». URL: <http://base.garant.ru/71801528/>

DOI: 10.18572/1999-477X-2020-1-26-29

Особенности структурных связей субъектов права общей совместной собственности

Химатов Хабибулло Нейматович,
доцент кафедры гражданского права
Таджикского национального университета,
кандидат юридических наук
habib.himmatov@yandex.ru

В статье раскрываются вопросы правового регулирования имущественных отношений в семье, выявляются особенности структурных связей субъектов права общей совместной собственности.

Автором опровергается вывод о том, что правовое регулирование отношений собственности осуществляется в форме так называемого абсолютного правоотношения, в субъектный состав которого — согласно этой теории — входят все третьи лица, обязанности которых сводятся к пассивному воздержанию. Автор обосновывает, что на внешнем уровне связи супругов относительно их совместной собственности осуществляются в форме единого субъективного права собственности, не являющегося элементом правоотношения.

Автором сделан вывод о том, что регулирование отношений супругов по поводу имущества осуществляется в двух формах: 1) посредством правовых отношений; 2) вне правовых отношений.

Ключевые слова: вещное право, собственность, субъективное право собственности, правоотношения, супруги, общая совместная собственность.

Peculiarities of Structural Links of Subjects of Joint Property Law

Khimatov Khabibullo N.
Associate Professor of the Department of Civil Law
of the Tajik National University
PhD (Law)

The article reveals the issues of legal regulation of property relations in the family, identifies features of the structural relations of the subjects of the common property.

In this regard, the author shares the position that is to have his own face, a reflection of his personality. The authors refute the conclusions that the legal regulation of property relations is carried out in a form that provides an absolute legal relationship, in accordance with this theory — all third parties whose duties are reduced to passive abstinence. It is proved that relations between spouses and their property are carried out in the form of a single subjective right of ownership.

The author concluded that the regulation of relations between spouses regarding property is carried out in two forms: 1) through legal relations; 2) outside legal relations.

Keywords: property law, property, subjective property right, legal relations, spouses, common joint property.

Преобладающая в советской доктрине теория, рассматривающая вещное право через конструкцию правоотношения как отношения между управомоченным лицом и третьими лицами, не могла не повлиять и на научные исследования, посвященные правовому регулированию имущественных отношений в семье. В работах советских и современных юристов, которые занимались изучением тех или иных аспектов семейных имущественных связей, исследование последних проводилось исключительно в рамках теории правоотношения. Согласно этой теории, правовые отношения по структуре и форме межсубъектной связи разделяются на абсолютные и относительные.

В советской юридической литературе такую классификацию в отношении семейных имущественных связей одним из первых предложил В.А. Рясенцев. По характеру защиты субъективных прав семейные имущественные правоотношения были разделены автором на абсолютные правоотношения с некоторыми признаками относительных и на относительные правоотношения, не обладающие абсолютным характером защиты. К первой группе ученый отнес правоотношения супругов по поводу имущества, т.е. правоотношения собственности супругов, а ко второй — алиментные правоотношения¹. А.В. Слепакова уточняет, что «более правильно говорить о двойственной природе этих правоотношений, поскольку невозможно однозначно определить, являются ли они в большей мере абсолютными или же относительными»². По мнению А.П. Сергеева, правоотношения собственности супругов построены по модели абсолютных правоотношений³.

По утверждению В.К. Райхера, для абсолютных правоотношений характерны следующие общие структурные признаки: 1) правомочному лицу противостоит не какой-либо другой определенный субъект обязанности или несколько таких субъектов, а неопределенно-универсальная масса прочих обязанных лиц; 2) эта масса строго безлична, из нее не выделяется на первый план никакое отдельное лицо, которое по данному правоотношению находилось бы в особом, отличном от других, отношении к управомоченному⁴. Как видно из процитированного фрагмента, по мнению В.К. Райхера, для права собственности, как абсолютного правоотношения, характерным является существование, с одной стороны, фигуры собственника со своими правомочиями, и, с другой стороны, «неопределенно-универсальной массы» прочих лиц с их коррелятивными обязанностями не нарушать правомочия собственника, поэтому автор рассматривает вещное право как правовую связь, существовавшую лишь в виде межсубъектного отношения, а не как отношение лица к вещи.

Юридическая суть вещных прав, и прежде всего основного из них — права собственности, состоит в том, что между конкретным лицом и конкретной вещью устанавливается юридическая и непосредственная связь: вещь предоставляется господству известного лица, отдается в его волю, принадлежит ему⁵. Для собственника (владельца) единственная цель взаимодействия с объектом присвоения — извлечение из него выгоды, использование полезных свойств этого блага, удовлетворение собственных интересов. Чтобы достичь этой цели, нет необходимости в воздействии на ситуацию каких-либо третьих лиц: благо находится во власти только собственника. Для собственника (владельца) важным является лишь то, что вещь находится в сфере действия его властных возможностей.

Конечно, с позиции социальных связей, существующих в обществе, нельзя сказать, что власть и господство «данного лица к данной вещи» существуют сами по себе, без всяких связей с окружающей субъекта и подвластного ему объекта средой. Не можем согласиться с мнением о том, что приверженцы теории господства над вещью «упускают из виду самое главное, что характеризует ее как социальный феномен, — отношение всех других субъектов к вещи как принадлежности лица, всеобщее признание ее в качестве собственной вещи лица»⁶. Подход к собственности как отношению лица к вещи не исключает определенные связи, которые будут возникать между собственником и другими лицами по поводу присвоенного собственником имущества.

В.И. Синайский отмечал, что «более точно будет определять вещное право не только отрицательно (в смысле устранения всех третьих лиц), но и положительно, как господство лица над вещью»⁷. Однако, на наш взгляд, именно определение вещных прав в позитивном смысле, т.е. в значении господства над вещью, полностью раскрывает характеристику последних. Что касается так называемой отрицательной стороны вещного права (возможности управомоченного лица при воздействии на вещь устранять всех третьих лиц от незаконных посягательств), то «вещное право создает известные отношения ко всем членам гражданского общества (всякий обязан воздерживаться от нарушения моей власти над вещью), но эти отношения являются лишь отражением права на вещь, его дополнением и посредственным результатом»⁸. Ф.К. Савиньи утверждал, что «...сущность собственности состоит главным образом в неограниченном и исключительном господстве лица над вещью, и если это господство выражается иногда в виде восребования вещи от нарушителя, то это явление случайно»⁹.

Как уже было отмечено, власть в отношении данной вещи признается только за данным лицом, а одной из форм проявления этого господства является то, что

¹ Рясенцев В.А. Семейное право : учебник. М. : Юридическая литература, 1971. С. 51–52.

² Слепакова А.В. Правоотношения собственности супругов. М. : Статут, 2005. С. 38.

³ Гражданское право : учебник. Т. 3 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М. : ПБОЮЛ Л.В. Рожников, 2000. С. 288.

⁴ Райхер В.К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. 2007. № 2. СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 1998. С. 192.

⁶ Архипов С.И. Собственность: правовые грани. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 26.

⁷ Синайский В.И. Русское гражданское право. М. : Статут, 2002. С. 197.

⁸ Покровский И.А. Указ. соч. С. 236.

⁹ Савиньи Ф.К. Обязательственное право / пер. с нем. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 49.

другие лица будут отстранены от вещи, входящей в круг проявления властных возможностей собственника (владельца). Сущность отношения всех иных лиц к вещи, как принадлежности собственника, заключается именно в воздержании от нарушения власти собственника над вещью. Формула «всякий обязан воздерживаться от нарушения моей власти над вещью» — это не что иное как запрет на совершение определенных действий со стороны всех иных лиц — «всякий и каждый». Правовое воздействие на поведение иных лиц в вещных правах осуществляется путем запрета совершать определенные действия, приводящие к попиранию и умалению прав собственника (владельца). К.И. Скловский правильно подмечает, что «в дискуссии об обязанности в «правоотношении собственности» не всегда замечают, что на самом деле эта обязанность состоит в том, что она предписывает воздерживаться от правонарушения. Но это не обязанность, а запрет»¹⁰.

На основании вышеизложенного трудно согласиться с утверждением, что в субъектный состав правоотношения собственности входят «неопределенно-универсальная масса прочих обязанных лиц», обязанности которых сводятся к пассивному воздержанию. Совершенно верно, что «каждый участник гражданского правоотношения должен знать, с кем конкретно он состоит или должен состоять в правоотношениях в момент их возникновения или, во всяком случае, на стадии их осуществления»¹¹. Если исходить из того, что правовая связь в правоотношении — это взаимоотношения между конкретными лицами, то существование правоотношений с неопределенным множеством обязанных лиц на стороне правообязанного исключено. Всякое правоотношение является относительным — таков логический вывод, вытекающий из структуры правоотношения в его понимании как связи между конкретными носителями субъективных прав и обязанностей.

Признавая, что всякое правоотношение предполагает конкретных лиц, действия которых осуществляются в рамках субъективных прав и обязанностей, мы придерживаемся позиции, согласно которой «право собственности как субъективное право существует вне правоотношения»¹², т.е. в таком случае можно говорить лишь о существовании субъективного права, не являющегося элементом правоотношения. Отрицание того, что вне правоотношений нет субъективного права, может повлечь правовое упорядочивание только в рамках правоотношений, что, как отмечает Л.С. Явич, приведет к сужению рамок правового регулирования¹³.

В литературе по-разному оценивают характер связи сособственников права общей собственности между собой и с иными лицами. Так, Н.Н. Пахомова полагает,

что хотя состав участников правоотношения общей собственности определен, «они не подпадают под категории кредиторов и должников в общепринятом понимании, а следовательно, правоотношение общей собственности может быть охарактеризовано не как относительное, а как абсолютное»¹⁴.

Мы полагаем, что в праве общей совместной собственности на внутреннем уровне для реализации власти над общим объектом каждый супруг, как поименно определенное лицо, обладает своим субъективным правом, корреспондирующим с обязанностями другого супруга (сособственника). Исходя из этого можно заключить, что внутренние связи супругов в праве общей совместной собственности формируются как правоотношения, в связи с чем межличностную (внутреннюю) правовую связь супругов по поводу имущества, являющегося их совместной собственностью, следует назвать относительной. Однако эта связь между супругами в рамках правоотношения по поводу общей совместной собственности может иметь тип как вещной, так и обязательственной связи.

В законодательстве предусмотрен порядок предоставления согласия со стороны одного из сособственников на совершение другим сособственником сделок по распоряжению общим имуществом. На распоряжение одним из супругов отдельными видами имущества законодатель распространил презумпцию согласия второго супруга¹⁵.

Путем предоставления согласия формируется общая воля сособственников для последующей реализации правомочий собственника, в данном случае речь идет о правомочии распоряжения. Предоставленное согласие не входит в состав одобряемой сделки, а выступает условием ее действительности, в свою очередь правовая связь сособственников по поводу формирования общей воли как предпосылки осуществления правомочия по распоряжению общим имуществом, как указывается в литературе, обладает вещно-правовым направлением¹⁶.

Различные сделки, которые супруги вправе заключать между собой в отношении общего или раздельного своего имущества, в зависимости от содержания, могут иметь вещно-правовую или обязательственно-правовую направленность. В этом плане особо показателен брачный договор как гражданско-правовое средство моделирования имущественных отношений супругов.

В законе брачный договор сконструирован прежде всего как соглашение о правовом режиме имущества супругов. Совершенно верно, что он в такой конструкции будет порождать не только и не столько обязательства,

¹⁰ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2010. СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / отв. ред. В.П. Мозолин. М.: Проспект, 2016. С. 87.

¹² Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Юридическая литература, 1963. С. 189.

¹³ Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. С. 205.

¹⁴ Пахомова Н.Н. Теория отношений и права общей собственности: возможные подходы к дальнейшему исследованию // Российский юридический журнал. 1998. № 4. С. 104.

¹⁵ Тагаева С.Н. Правовая сущность семейно-правовой ответственности (по материалам Республики Таджикистан). Душанбе: Ирфон, 2012. С. 154.

¹⁶ Ярошенко К.Б. Общие вопросы права собственности нескольких лиц // Право собственности: актуальные проблемы. М.: Статут, 2008. СПС «КонсультантПлюс».

как вещные права супругов¹⁷. Однако в качестве условий брачного договора могут проявляться обязательственно-правовые составляющие, определяющие права и обязанности супругов по материальному содержанию.

Таким образом, правовые связи супругов по поводу общего имущества могут быть признаны правоотношением, а значит относительными, лишь тогда, когда отношение супругов образуется как внутреннее. Во внутренних отношениях поведенческие акты каждого из супругов как отдельного собственника направлены на реализацию власти каждого из них над общим объектом. Удовлетворение интересов каждого супруга достигается путем реализации ими в отдельности своих властных возможностей, правомочий в отношении того или иного объекта.

На внешнем уровне природа связей сособственников по поводу права общей собственности выглядит совершенно по-другому. Право общей собственности внешне выступает как сформированное единое субъективное право сособственников, в данном случае супругов. Осуществление этого права происходит вне правоотношения. Закон, представляя супругов как единого собственника, предоставляет им всю полноту власти собственника с правом защиты присвоенного объекта вещными исками. Иным лицам запрещаются любые действия, способные нарушить господство супругов как единого собственника над объектом. В этом смысле Г.Ф. Шершеневич прав в том, что абсолютные права выражаются в форме запрещений¹⁸.

Итак, в заключение можно утверждать, что регулирование отношений супругов по поводу имущества осуществляется в двух формах: 1) посредством правовых отношений; 2) вне правовых отношений.

Правовое регулирование внутренней стороны связи супругов по поводу имущества, являющегося их совместной собственностью, которая усложняется в связи с развитием общественного прогресса, дополняясь новыми видами благ¹⁹, осуществляется в форме индивидуально-определенной связи управомоченного и правообязанного, т.е. правоотношения.

Как и внутренние правовые связи супругов по поводу имущества, являющегося их совместной собственностью, алиментные права супругов и других членов семьи также осуществляются в форме правоотношения. Имущественные правоотношения членов семьи по предоставлению содержания, независимо от их основания, предполагают конкретных лиц — алиментополучателя и алиментобязанного. Взаимодействие между указанными лицами, соответственно кредитором и должником, происходит по поводу определенных благ. Взаимодействие в алиментном обязательстве предполагает соответствующее поведение управомоченного и обязанного лица в виде права требования первого по предоставлению содержания и обязанности второго по выплате алиментов, вследствие чего эта связь приобретает форму односторонне обязывающего правоотношения.

На внешнем уровне связи супругов относительно их совместной собственности осуществляются в форме единого субъективного права собственности, не являющегося элементом правоотношения. В данном случае субъективное право собственности представляет собой форму отношения супругов к присвоенному объекту (объекту права общей совместной собственности), иные лица будут устранены от этого объекта путем запрета действий, приводящих к нарушению имущественных (вещных) прав супругов.

¹⁹ См., напр.: Аминова Ф.М. Исторические предпосылки развития вспомогательных репродуктивных технологий в Республике Таджикистан // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С. 6; Химатов Х.Н. К вопросу о понятиях «имущество» и «собственность» в законодательстве Республики Таджикистан // Вестник Таджикского национального университета. 2015. № 3/11. С. 121–126.

¹⁷ Чашкова С.Ю. Система договорных обязательств в российском семейном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 99.

¹⁸ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М. : СПАРК, 1995. С. 140.

Литература

- Аминова Ф.М. Исторические предпосылки развития вспомогательных репродуктивных технологий в Республике Таджикистан / Ф.М. Аминова // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С. 4–7.
- Архипов С.И. Собственность: правовые грани / С.И. Архипов. Москва : Юрлитинформ, 2014. 296 с.
- Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права / С.Н. Братусь. Москва : Госюриздат, 1963. 196 с.
- Гражданское право. В 3 томах. Т. 1 : учебник / ответственный редактор В.П. Мозолин. Москва : Проспект, 2016. 816 с.
- Гражданское право. Т. 3 : учебник / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 5 изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2000. 632 с.
- Пахомова Н.Н. Теория отношений и права общей собственности: возможные подходы к дальнейшему исследованию / Н.Н. Пахомова // Российский юридический журнал. 1998. № 4. С. 99–106.
- Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. Москва : Статут, 1998. 353 с.
- Райхер В.К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву / В.К. Райхер // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 144–204.
- Рясенцев В.А. Семейное право : учебник / В.А. Рясенцев. Москва : Юридическая литература, 1971. 296 с.
- Савиных Ф.К. Обязательственное право / Ф.К. Савиных ; перевод с немецкого В. Фукса и Н. Монро. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. 576 с.
- Синайский В.И. Русское гражданское право / В.И. Синайский. Москва : Статут, 2002. 638 с.
- Скловский К.И. Собственность в гражданском праве / К.И. Скловский. 5-е изд., перераб. Москва : Статут, 2010. 891 с.
- Слепакова А.В. Правоотношения собственности супругов / А.В. Слепакова. Москва : Статут, 2005. 444 с.
- Тагаева С.Н. Правовая сущность семейно-правовой ответственности (по материалам Республики Таджикистан) / С.Н. Тагаева. Душанбе : Ирфон, 2012. 226 с.
- Химатов Х.Н. К вопросу о понятиях «имущество» и «собственность» в законодательстве Республики Таджикистан / Х.Н. Химатов // Вестник Таджикского национального университета. 2015. № 3/11. С. 121–126.
- Чашкова С.Ю. Система договорных обязательств в российском семейном праве : диссертация кандидата юридических наук / С.Ю. Чашкова. Москва, 2004. 197 с.
- Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.) / Г.Ф. Шершеневич ; вступительная статья Е.А. Суханова. Москва : Спарк, 1995. 556 с.
- Явич Л.С. Общая теория права / Л.С. Явич. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. 288 с.
- Ярошенко К.Б. Общие вопросы права собственности нескольких лиц / К.Б. Ярошенко // Право собственности: актуальные проблемы : монография / О.А. Беляева [и др.] ; ответственные редакторы В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. Москва : Статут, 2008. 729 с.

Особенности производства технической экспертизы отопительного и водонагревательного газоиспользующего оборудования жилого помещения

Зубков Владимир Николаевич,
старший преподаватель кафедры
частноправовых дисциплин факультета права и управления
Владимирского юридического института ФСИН России
z-vladimir-z@mail.ru

Гусева Ирина Ивановна,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
и криминалистики юридического факультета
Владимирского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент
guseva-ir@mail.ru

В статье раскрываются особенности комплексного подхода в экспертном исследовании отопительного и водонагревательного газового оборудования, расположенного в жилых помещениях. Рассматривается содержание этапов проведения экспертизы, обращается внимание на характерные нарушения эксплуатации газового оборудования и канальных коммуникаций. Проводится анализ экспертной практики по выявлению причин и условий, приведших к смерти пользователей газового оборудования в связи с отравлением угарным газом. Даются предложения по исключению смертельных случаев при использовании бытового газового оборудования.

Ключевые слова: техническая экспертиза, отопительное газовое оборудование, водонагревательное газовое оборудование, методика производства экспертизы, отравление угарным газом.

Peculiarities of Carrying out an Engineering Examination of Heating and Water Heating Gas Equipment of a Residential Premise

Zubkov Vladimir N.
Senior Lecturer of the Department of Private Law Disciplines
of the Faculty of Law and Management of the VLI of the FPS of Russia

Guseva Irina I.
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics
of the Law Faculty of the VLI of the FPS of Russia
PhD (Law), Associate Professor

The article reveals the features of an integrated approach in the expert study of heating and water heating gas equipment located in residential areas. The content of the stages of the examination is considered, attention is drawn to the characteristic violations of the operation of gas equipment and channel communications. The analysis of expert practice to identify the causes and conditions that led to

the death of users of gas equipment in connection with carbon monoxide poisoning. Proposals are made to exclude deaths in the use of household gas equipment.

Keywords: technical expertise, heating gas equipment, water-heating gas equipment, the method of manufacturing expertise, monoxide poisoning.

В течение длительного периода в стране сохраняется печальная статистика летальных исходов в связи с отравлением угарным газом при использовании внутриквартирного газового оборудования потребителями, особенно в зимний период. Только в течение двух дней новогодней недели 2019 г. в городе Калининграде зафиксировано три случая отравления людей угарным газом¹.

Анализ проведенных экспертиз позволяет выделить основные причины поступления угарного газа внутрь жилого помещения в процессе пользования газовым оборудованием (газовыми котлами с открытой (закрытой) камерой сгорания, водонагревательными проточными бытовыми газовыми аппаратами):

- отсутствие условий обеспечения притока наружного воздуха для сжигания газа и возникновение дисбаланса воздухообмена в помещении;
- отсутствие герметизации в соединениях газоотводящей трубы, обеспечивающей удаление продуктов сгорания газа от газоиспользующего оборудования в дымоход;
- наличие неисправностей в работе системы автоматики безопасности водонагревательного проточного газового бытового аппарата (далее – ВПГБА);
- отсутствие тяги в дымоходах и вентиляционных каналах;
- ненадлежащее техническое состояние газогорелочного оборудования;
- установка над газовой плитой вытяжного устройства с принудительным приводом, соединенного с вентиляционным каналом в стене кухни, не оснащенного специальной вентиляционной решеткой.

Названные факторы довольно часто в совокупности являются результатом недосмотра и нарушений в эксплуатации газового оборудования и канальных коммуникаций жилых зданий со стороны потребителей, управляющих компаний, служб газового хозяйства и служб всероссийского добровольного пожарного общества (далее – ВДПО), на которые указывают и отдельные исследователи². Как показывает практика производства экспертиз, проблемы содержания и обслуживания домовых канальных коммуникаций внутриквартирного газового оборудования (далее – ВКГО) носят системный характер. Кроме того, у потребителей газа большинства многоквартирных домов в эксплуатации находится более 80% единиц мо-

рально устаревшего и изношенного газоиспользующего оборудования, не отвечающего современным требованиям безопасности.

Необходимость выявления и исследования причин поступления в жилое помещение угарного газа требует комплексного подхода для установления первопричин гибели людей. В настоящее время таких методик нет, и экспертная деятельность основана на использовании различных нормативных актов³ и материалов практики. Официальные методические рекомендации по назначению и проведению экспертизы отопительного и водонагревательного газоиспользующего внутриквартирного оборудования жилого помещения отсутствуют. Нет и научных исследований по данной теме. В то же время возникают серьезные вопросы по методике проведения экспертизы газоиспользующего бытового оборудования для установления причин поступления угарного газа в помещение.

Рассмотрим особенности методики производства экспертиз отопительного и водонагревательного газоиспользующего внутриквартирного оборудования жилого помещения. Данный процесс условно подразделяется на несколько этапов. В данной статье мы остановимся на первых двух.

Подготовительный этап производства экспертизы состоит из двух стадий: проведение мероприятий до выезда на место происшествия, основанных на изучении материалов дела, и деятельность по прибытии на место происшествия с использованием визуального способа исследования объектов.

Первая стадия включает:

а) уяснение содержания вопросов, поставленных следователем в своем постановлении о назначении экспертизы. На разрешение экспертного исследования могут быть поставлены следующие вопросы:

1. Находятся ли системы газоотведения и вентиляции конкретного жилого помещения – квартиры – в работоспособном состоянии?
2. Если нет, то подвергались ли указанные системы конструктивным самовольным изменениям? Если да, то каким именно?
3. Имеются ли нарушения правил эксплуатации вентиляционных каналов и каналов газоотведения квартиры? Если имеются, то какие?

¹ В новом году отравились угарным газом пять человек // Новости ОАО «Калининградгазификация». URL: <http://gaz39.ru/отравление-угарным-газом-может-приве-2-6/>

² Шацкая К.В. Аварийность бытового газа. Причины возникновения аварий, правила безопасности использования газа в быту // EUROPEAN RESEARCH. 2015. № 3 (4). С. 27–30; Жабин А.Б., Логинов В.И., Пушкарёв А.Е. О некоторых вопросах обеспечения безопасности эксплуатации газового оборудования // Известия Тульского государственного университета. Науки о земле. 2010. № 2. С. 45–49.

³ Об утверждении федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила проведения экспертизы промышленной безопасности»: Приказ Ростехнадзора от 14 ноября 2013 г. № 538 (ред. от 28.07.2016) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-rostekhnadzora-ot-14112013-n-538-ob/>; О мерах по обеспечению безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутриквартирного газового оборудования: Постановление Правительства РФ от 14 мая 2013 г. № 410 // СПС «КонсультантПлюс»; и др.

4. Имеется ли засор канала газоотведения квартиры данного дома? Если да, то каковы причины?

5. Возможна ли эксплуатация канала газоотведения квартиры данного дома?

6. В исправном ли состоянии находится водонагревательный проточный газовый бытовой аппарат? Если нет, то в чем именно заключаются эти неисправности?

7. Возможна ли его эксплуатация с данными неисправностями?

8. Вносили ли в систему автоматики безопасности водонагревательного проточного газового бытового аппарата конструктивные изменения, выполненные кустарным либо иным способом?

9. Какова(ы) причина(ы) поступления в квартиру угарного газа?

10. Какие обстоятельства послужили причиной опрокидывания тяги и поступления в квартиру угарного газа?

б) изучение материалов уголовного дела:

– протокола осмотра места происшествия. Экспертами обращается внимание на место расположения труп в квартире, модель (дата, год изготовления, заводской номер) и положение кнопок управления ВПГБА, положение запорных устройств подачи газа, положение фрамуг окон (открытые, закрытые), температурный режим в помещении и наружного воздуха, а также влажность, скорость ветра (при отсутствии таких сведений запрашиваются данные метеослужбы);

– материалов (при наличии), подтверждающих привлечение следователем представителей ВДПО к осмотру места происшествия, и результатов проведенных ими замеров тяги в канальных коммуникациях;

– другой документации: паспорта ВПГБА с отметками об очередных проверочных испытаниях, актов обследования канальных коммуникаций службами ВДПО, инструкции по монтажу и эксплуатации газоиспользующего оборудования конкретной модели, технического паспорта квартиры, выданного БТИ (при его отсутствии – квитанции об оплате коммунальных платежей для определения площади квартиры);

– проектов технических решений по устройству дымоходов в стене и вентиляционных каналов;

– актов по проведению технического обслуживания и диагностирования ВКГО⁴ в отношении оборудования, отработавшего сроки эксплуатации, установленные изготовителем;

– актов ремонтно-восстановительных работ канальных дымоотводов;

– книг инструктажей абонентов собственников (пользователей) по правилам безопасного использования газоиспользующего оборудования в быту, как первичных, так и периодических;

– и других материалов;

в) подбор и проверка по срокам поверки (определяющим пригодность) приборного оборудования. На этом этапе следует решить вопрос о наличии возможности проведения испытания ВПГБА в условиях исследуемой квартиры либо проведения испытания ВПГБА в лабораторных условиях;

г) формирование состава группы экспертов (помощников) и организация выезда их на место происшествия.

Во второй стадии по прибытии на место происшествия производится визуальный осмотр помещения, в ходе которого обращается внимание на наличие пластиковых окон и особенности их установки на кухне (с выходом на лоджию (застекленная, открытая) либо напрямую наружу); наличие (отсутствие) на кухне приточных клапанов; состояние вентиляционных решеток (открыты, закрыты) в помещении кухни и в санузле; состояние уплотнений и материала (металлическая, деревянная) входной двери; наличие подрезов у межкомнатных дверей и дверей кухни (пространство между нижней частью дверного полотна и полом при закрытой двери); состояние шахт (наличие в них профилактических окон в чердачном помещении); наличие доступа к оголовку шахты на крыше.

Основной этап, основанный на визуально-приборном способе исследования, состоит из следующих стадий:

1) исследование состояния и работоспособности канальных коммуникаций газоотведения в помещении кухни;

2) исследование состояния и работоспособности канальных коммуникаций вентиляции помещений кухни и санузла;

3) исследования ВКГО на предмет установления неисправностей;

4) исследование состояния воздухообмена квартиры. Рассмотрим каждую из стадий более подробно.

1. В ходе исследования состояния и работоспособности канальных коммуникаций газоотведения в помещении кухни приборным способом определяется температурный режим воздушной среды в помещении кухни и санузле в верхних точках (у потолка) и в нижних точках (у пола).

Производится осмотр соединений газоотводящей трубы с горловиной ВПГБА и с отверстием дымохода в стене на предмет герметичности. Обследуется целостность трубы и материал, из которого она изготовлена. Измеряется горизонтальный участок трубы, устанавливается наличие (отсутствие) уклона. В ходе осмотра обращается внимание на наличие в соединениях следов копоти, неплотностей, сквозных отверстий.

Визуальным способом устанавливается наличие металлической заглушки «кармана» дымоотводящего канала, технологически предусмотренного для его профилактического осмотра и периодической очистки, наличие в нем засоров (осколки кирпича, мусор, птичий помет, перья и т.п.) и следов копоти на внутренних поверхностях стенок

⁴ О проблемных вопросах проведения технического обслуживания и диагностирования ВКГО см.: Царьков С.В. Проведение технического диагностирования внутридомового и внутриквартирного газового оборудования // Наука, образование и культура. 2015. № 2(2). С. 12–14.

канала. Результаты осмотра расположения канальных отверстий в стене, как дымоотводящих, так и вентиляционных, фиксируются с использованием фотоаппарата, производятся замеры с применением лазерной линейки или рулетки.

Далее приборным методом (с использованием цифрового анемометра-термометра Testo-405; анемометра АТТ-1002; гигрометра психрометрического ВИТ-1; АVM-03 AIR Velocity meter или др.) определяется наличие или отсутствие тяги на входе в канал и внутри него. Работоспособность системы газоотведения устанавливается путем проведения замера параметров тяги в верхней части газоотводящей трубы газовой колонки, при открытой фрамуге окна на кухне и закрытой двери кухни (при конкретном температурном режиме в помещении), затем аналогичные операции проводятся в условиях закрытой фрамуги окна.

Так, при производстве экспертизы по уголовному делу, возбужденному 20 февраля 2014 г. по факту смерти супругов и их малолетней дочери, проживавших в многоквартирном доме города Струнино Александровского района Владимирской области, обнаруженных с признаками острого отравления окисью углерода, было установлено, что дымоотводящий канал был плотно забит осколками кирпича, пескосмесью. Проведенные замеры подтвердили отсутствие тяги, что явилось причиной накопления угарного газа в помещении, в условиях неисправной системы автоматики безопасности газовой колонки.

Для установления причин недостаточной тяги исследуется состояние кирпичной кладки стенок внутренних каналов дымохода в шахте со стороны чердачного помещения через окна, предусмотренные для профилактики засорений внутри канала (с использованием мини-видеокамер типа VIRAX, обзорной видеокамеры «Обзор-1», приборов системы телеинспекции и т.п.); кратность воздухообмена в помещении; погодные условия. При этом обращается внимание на наличие на стенках выступов, трещин, наледи (в зимний период), наслоений сажи, ее толщину, плотность кирпичной кладки и т.д. Недостаточный приток наружного воздуха к газогорелочному устройству приводит к нарушению допустимой кратности воздухообмена. Работающее ВКГО при сжигании газа создает критическое разрежение воздуха в квартире, что приводит к опрокидыванию тяги путем выброса продуктов сгорания в помещение через неплотности в теплообменнике и газоотводящей трубе.

Последствием совокупности причин (работающее газовое оборудование, плотно закрытые фрамуги пластиковых окон, высокая влажность наружного воздуха, сильный ветер), повлекших уменьшение тяги и превышение предельно допустимой концентрации угарного газа, явилось наступление 10 января 2017 г. смерти от острого отравления окисью углерода супружеской пары, проживавшей в микрорайоне Гусь-Хрустальный Владимирской области.

2. В ходе исследования состояния и работоспособности канальных коммуникаций вентиляции помещений кухни и санузла приборным методом (с использованием одного из вышеназванных приборов для замера параметров тяги) определяется наличие (отсутствие) естественной тяги на входе в вентиляционные каналы при конкретном температурном режиме в помещении. Работоспособность системы естественной вентиляции проверяется при открытой (закрытой) фрамуге окна и закрытой двери в помещении кухни. Замеры тяги при аналогичных условиях проводятся в санузле при открытом и закрытом вентиляционном окне, расположенном в стене между кухней и санузлом.

В ходе осмотра обращается внимание на наличие свободного доступа к вентиляционным каналам, расположенным в стене на кухне и в санузле (наличие подключенных к ним вытяжных устройств с осевым вентилятором и с принудительным приводом, наличие открывающегося вентиляционного окна, конструктивно устроенного в стене между кухней и санузлом, закрытие мебелью на кухне вентиляционного канала и пр.).

Примером ненадлежащей установки над газовой плитой вытяжного устройства с принудительным приводом, соединенного с вентиляционным каналом в стене кухни, не оснащенного специальной вентиляционной решеткой, в совокупности с другими факторами, ухудшающими воздухообмен, приведшей к смерти двух граждан в г. Муроме Владимирской области, является уголовное дело, возбужденное 21 февраля 2017 г.

3. Исследование ВКГО на предмет установления неисправностей начинается с проверки соответствия проекту размещения бытового газоиспользующего оборудования и наличия доступа к нему. Далее проводится внешний осмотр (установление даты и года изготовления, наличия повреждений деталей) объекта исследования. При наличии возможности на месте проводится запуск и проверка работоспособности системы безопасности ВПГБА, которая обеспечивается одновременно несколькими устройствами, входящими в систему автоматического отключения подачи газа:

— предохранитель обратной тяги. Неисправность данного блока системы безопасности автоматики встречается наиболее часто, и именно она является причиной поступления угарного газа в помещение в случаях отсутствия тяги либо отклонения контролируемых параметров тяги за допустимые пределы, установленные изготовителем ВПГБА;

— термоэлектрическое предохранительное устройство. Проверяется наличие целостности цепи термодатчика;

— аварийный термостат (ограничитель температуры воды).

Автоматическая система безопасности отключает подачу газа при отсутствии тяги в дымоходе или если она ниже минимальной величины, установленной изготови-

телем конкретной модели аппарата. Для установления работоспособности этой системы обращается внимание на наличие следов самовольного внесения конструктивных изменений в систему автоматики безопасности путем блокирования электромагнитного клапана в положении «открыто». Примером такого самовольного блокирования электромагнитного клапана с использованием проволоочной скрутки явился вышеприведенный случай в городе Струнино Александровского района.

Также проверяется состояние предохранителя обратной тяги (повышенная копоть, наличие или отсутствие реакции на срабатывание биметаллического термoelementa при воздействии на него открытым пламенем, целостности его цепи с электромагнитным клапаном, состояние газогорелочного блока (наличие пескосмеси, загрязненность), цвет пламени горения газа).

4. Исследование состояния воздухообмена квартиры проводится расчетным путем.

При удалении продуктов сгорания за счет естественной тяги очень важен воздухообмен в квартире, в которой установлено газоиспользующее оборудование. Приточно-вытяжная вентиляция должна обеспечивать как поступление наружного воздуха, так и его удаление. При проведении исследования состояния воздухообмена, особенно в зимнее время при наступлении холодов и неустойчивом атмосферном давлении, требуется произвести расчет воздухообмена квартиры в соответствии с положениями СНиП 31-01-2003⁵ и ГОСТ 30494-2011⁶ (расчет можно проводить по кратности воздухообмена или по площади жилого помещения).

⁵ СНиП 31-01-2003 Здания жилые многоквартирные : Постановление Госстроя РФ от 23 июня 2003 г. № 109 // Строительные нормы и правила РФ. URL: <http://sniprf.ru/razdel-3/31-01-2003>

⁶ Межгосударственный стандарт ГОСТ 30494-2011 Здания жилые и общественные. Параметры микроклимата в помещениях : Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 12 июля 2012 г. № 191-ст. URL: docs.cntd.ru/document/gost-30494-2011

Литература

1. Жабин А.Б. О некоторых вопросах обеспечения безопасности эксплуатации газового оборудования / А.Б. Жабин, В.И. Логинов, А.Е. Пушкарев // Известия Тульского государственного университета. Науки о земле. 2010. № 2. С. 45–50.
2. Царьков С.В. Проведение технического диагностирования внутридомового и внутриквартирного газового оборудования / С.В. Царьков // Наука, образование и культура, 2015. № 2 (2). С. 12–14.
3. Шацкая К.В. Аварийность бытового газа. Причины возникновения аварий, правила безопасности использования газа в быту / К.В. Шацкая // European Research. 2015. № 3 (4). С. 27–31.

Недостаточный приток воздуха к газогорелочному устройству газовой колонки в свою очередь может образоваться в связи с наличием следующих факторов:

— разбалансирование приточно-вытяжной системы вентиляции и газоотведения вследствие неправильного использования фрагм пластиковых окон во время работы газоиспользующего оборудования;

— атмосферные погодные условия, вызывающие повышенную влажность воздуха, сильные ветровые нагрузки, также способствующие снижению тяги в дымоходе;

— нарушение эксплуатации канальных коммуникаций газоотведения и вентиляции.

Таким образом, особенностью подобных экспертных исследований является использование экспертом комплексного подхода для установления причин отравления угарным газом людей при эксплуатации бытового газоиспользующего оборудования.

Анализ экспертной практики показывает, что случаи отравления угарным газом, как правило, происходят в зимнее время, когда дополнительными факторами ухудшения тяги становятся погодные условия.

На наш взгляд, для устранения факторов риска гибели людей в результате отравления угарным газом следует в обязательном порядке оборудовать жилые помещения, в которых используется ВКГО, системой контроля загазованности помещений. Это второй уровень системы автоматической безопасности, связанный с установкой датчиков газосигнализаторов в помещении кухни, технологически соединенных с электромагнитным клапаном, установленным на входном внутриквартирном запорном устройстве. Это обеспечит непрерывный автоматический контроль и подачу звукового и светового сигналов при достижении контролируемого уровня концентрации газа или содержания окиси углерода в воздухе помещения, а также автоматическое отключение подачи газа во внутреннем газопроводе сети.

НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В 2020 году размер материнского (семейного) капитала установлен в размере 466 617 рублей

С 1 января 2020 года возобновляется действие положений Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», устанавливающих требование о ежегодном пересмотре размера материнского (семейного) капитала с учетом темпов роста инфляции.

См.: Федеральные законы от 02.12.2019 № 380-ФЗ и от 19.12.2016 № 444-ФЗ.

Вещное право на жилое помещение

Колоколова Елена Олеговна,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Саранского кооперативного института (филиала)
Российского университета кооперации,
кандидат философских наук
kolokolovalena@mail.ru

В статье проанализирована правовая категория «вещное право на жилое помещение». Проанализировано соотношение права собственности и иных ограниченных вещных прав на жилое помещение. Сделаны предложения по систематизации вещных прав на жилое помещение в рамках жилищных правоотношений.

Ключевые слова: вещное право, ограниченное вещное право, право собственности на жилое помещение, жилое помещение.

The Property Right to a Residential Premise

Kolokolova Elena O.
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Saransk Cooperative Institute (Branch)
of the Russian University of Cooperation
PhD (Philosophy)

The article analyzes the legal category «property right to premises». The correlation of ownership rights and other limited property rights to a dwelling is analyzed. Suggestions are made on the systematization of property rights to housing within the framework of housing relations.

Keywords: property law, limited property law, ownership of residential premises, residential premises.

Жилое помещение необходимо относить к особым объектам правоотношений. Это связано не только со специфическим порядком оформления прав на данный объект недвижимости, но и с тем, что законодатель установил в отношении них особые условия назначения и пределы использования, что, в свою очередь, определяет специфику правового статуса жилья. Жилое помещение имеет также особую социальную значимость в пространстве социально-экономических отношений.

Сложность правового статуса жилого помещения, особенности гражданского оборота предопределяют особенности правового регулирования права собственности и иных вещных прав на жилое помещение по законодательству Российской Федерации. При этом, если с правом собственности на жилое помещение как более широким в сфере реализации правомочий вещным правом все достаточно четко регламентировано, то относительно ограниченных вещных прав возникает ряд проблем.

Рассмотреть все аспекты реализации вещных прав, особенно в контексте продолжающейся в научных кругах полемики о самостоятельности отрасли жилищного права,

в рамках данной статьи не представляется возможным, так как заявленная тема многоаспектна. Однако особая ее актуальность опосредует следующий выбор направления исследования: научно-теоретический анализ и систематизация вещных прав на жилое помещение в рамках предмета правового регулирования отрасли жилищного права, которые выделены в следующие группы: право собственности и иные вещные права на жилое помещение.

При этом важно учитывать, что родовая категория «вещное право» не исчерпывается и не поглощается правом собственности, а трактуется в более широком смысле¹.

Необходимо отметить, что основой исследования ограниченных вещных прав является соотношение объема содержания права собственности с объемом содержания ограниченных вещных прав на жилое помещение.

Именно право собственности с объемом полномочий по владению, пользованию и распоряжению можно называть «полным вещным правом». Тогда как ограниченные вещные права в отношении жилого помещения в соот-

¹ См.: Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М., 2017. 560 с.

ношении с правом собственности на него, как правило, ограничиваются правом пользования. Это подтверждают нормы жилищного и гражданского законодательства.

Таким образом, право собственности как вещное право с наиболее широким спектром полномочий позволяет говорить о том, что иные права необходимо выделить в группу ограниченных вещных прав. Нельзя не отметить, что признание ограниченных вещных прав ведет к определенному антагонизму между ними и правом собственности, так как интересы субъектов — обладателей ограниченных вещных прав и собственников в отношении одного и того же объекта противоположны. И соотносить их практически невозможно по самой сути ограничения права собственности правомочием пользования объектом. Однако отрицать ограниченные вещные права также не представляется возможным, так как данная категория имеет положительное значение для общества, особенно в условиях усложняющихся социально-экономических отношений.

Глава 18 ГК РФ и раздел 2 ЖК РФ закрепляют основные положения о вещных правах на жилое помещение. Однако ни гражданское, ни жилищное законодательство не содержат полностью систематизированных данных о признаках и видах вещных прав. Более того, в ГК РФ вообще отсутствуют само понятие вещных прав и понятие ограниченных вещных прав.

Анализируя закрепление права собственности и иных вещных прав, содержащееся в главе 18 ГК РФ, необходимо отметить, что ее структура крайне поверхностна и не содержательна. ГК РФ, являясь базовым законом в сфере права собственности и иных вещных прав, не устанавливая критерии ограниченных вещных прав, в ст. 216 приводит лишь их неполный перечень наряду с правом собственности: право пожизненного наследуемого владения земельным участком; право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком; сервитуты; право хозяйственного ведения имущества и право оперативного управления имуществом². О жилом помещении как объекте ограниченных вещных прав вообще упоминания нет. В связи с этим формируется неправильное представление о том, что права членов семьи собственника жилого помещения вообще нельзя относить к вещным.

В свою очередь нормы ЖК РФ, дублируя отдельные положения ГК РФ в отношении вещных прав, также не позволяют выработать какой-либо системы по рассматриваемому вопросу.

В разделе 2 глава 5 ЖК РФ в общих чертах формулирует право собственности и иных вещных прав на жилое помещение, к которым относит:

- права и обязанности собственника жилого помещения (ст. 30 ЖК РФ);
- права и обязанности граждан, проживающих совместно с собственником в принадлежащем ему жилом помещении (ст. 31 ЖК РФ);

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

— обеспечение жилищных прав собственника жилого помещения при изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд (ст. 32 ЖК РФ);

— пользование жилым помещением, предоставленным по завещательному отказу (ст. 33 ЖК РФ);

— пользование жилым помещением на основании договора пожизненного содержания с иждивением (ст. 34 ЖК РФ);

— выселение гражданина, право пользования жилым помещением которого прекращено или который нарушает правила пользования жилым помещением (ст. 35 ЖК РФ)³.

Перечисленные статьи не позволяют говорить о какой-либо системе права собственности и иных вещных прав, так как за ее рамками остается значительное количество правоотношений, если вообще возможно говорить о системе в данном случае.

Таким образом, ЖК РФ также не раскрывает сущности ограниченных вещных прав относительно такого специфического объекта правоотношений, как жилое помещение. В итоге происходит смешение предметов правового регулирования различных по своей сути отраслей права: гражданского и жилищного.

Необходимо отметить важность разграничения вещных прав в контексте гражданско-правовых и жилищных правоотношений. Это связано прежде всего с тем, что гражданское и жилищное право имеют разные предметы правового регулирования, хотя жилое помещение может быть объектом как гражданских, так и жилищных правоотношений. Однако жилое помещение в контексте гражданско-правовых отношений является объектом в рамках экономического оборота, например, купля-продажа, дарение, наследование, наем (коммерческий) и др. Жилое помещение как объект жилищных правоотношений необходимо рассматривать с позиции использования, эксплуатации, обслуживания, назначения и пределов использования. Эту позицию подтверждает п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», который закрепляет, что в отличие от жилищного права гражданское регулирует отношения по поводу жилого помещения как объекта экономического оборота⁴.

И если о необходимости создания взаимосвязанных институтов вещного права законодатель высказал позицию еще в 2009 г. в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (далее — Концепция)⁵, то о систематизации вещных прав в сфере

³ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

⁴ О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9.

⁵ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации : одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.

жилищных правоотношений говорить вообще не приходится. Хотя нельзя отрицать, что гражданское и жилищное право являются достаточно взаимосвязанными, но все же самостоятельными отраслями российского права, обладающими своей спецификой.

Соответственно, все вышесказанное позволяет говорить о необходимости разграничения особенностей правового регулирования вещных прав в рамках гражданских и жилищных правоотношений в отношении общего объекта — жилого помещения.

Согласно п. 2.2 названной выше Концепции предлагается определять содержание вещных прав исключительно нормами ГК РФ. Что никак не противоречит предложению по закреплению системы вещных прав в нормах ЖК РФ, так как указанный в п. 2.3 Концепции исчерпывающий перечень вещных прав более детально будет раскрываться в нормах ЖК РФ в соответствии со спецификой предмета правового регулирования. Так, например, Концепция содержит такой вид вещного права как право личного пользования (узуфрукт), которое коррелируется с правом пользования жилым помещением лицами, не являющимися его собственником (права членов семьи собственника жилого помещения) и др.

В связи с вышесказанным особый интерес в рамках данной статьи представляют ограниченные вещные права в сфере жилищных правоотношений.

Спецификой ограниченных вещных прав является то, что, ограничивая права собственника, они не следуют его судьбе, а следуют судьбе объекта (вещи), в отношении которого установлены. Ограниченные вещные права производны от права собственности, так как при отсутствии последних невозможно установить и ограничение. Зачастую ограниченные вещные права и объем их реализации устанавливаются императивно законом и не зависят от воли собственника, а также пользуются абсолютной защитой.

Таким образом, вещное право представляет собой субъективное гражданское право на материальную вещь, реализуемое уполномоченным субъектом по своему усмотрению и независимо от воли иных лиц, обладающее свойством следования и пользующееся абсолютной защитой.

В целях формально-логического разграничения ограниченное вещное право необходимо трактовать как право на материальную вещь, принадлежащую на праве собственности другому лицу, производное от права собственника, ограниченное по своему содержанию от права собственности, но реализуемое вне зависимости от воли собственника или иных лиц и пользующееся абсолютной защитой.

Как уже отмечалось выше, содержание объема вещных прав в отношении жилого помещения у лиц, не являющихся собственниками, как правило, ограничивается правом пользования жилым помещением наравне с собственником, которое может быть ограничено во времени

либо быть бессрочным. Такое ограниченное вещное право как пользование жилым помещением может как обременять жилое помещение, так и носить самостоятельный характер. Лица, обладающие ограниченным вещным правом пользования жилым помещением, обязаны соблюдать требования жилищного законодательства, а также могут нести солидарную ответственность по обязательствам, вытекающим из пользования таким жилым помещением.

Считаю, что в целях структурирования жилищных отношений необходимо осуществить систематизацию ограниченных вещных прав на жилое помещение именно в рамках отрасли жилищного права, а также установить обязательную их регистрацию, что позволит избежать нарушения прав их обладателей, а также снизить количество судебных разбирательств.

Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации 2009 г. предлагает пути реформирования, заложенные в ней предложения и направления совершенствования гражданского законодательства в сфере вещных прав до настоящего времени так и не реализованы, хотя необходимость в этом назрела уже давно и продиктована реалиями правоприменительной деятельности.

Учитывая отсутствие систематизации вещных прав, согласна с мнением Е.А. Суханова о том, что такая реформа не должна ограничиваться только рамками ГК РФ, изменения должны быть внесены в иные акты публично-правового законодательства, содержащие нормы вещного права, в частности в ЖК РФ.

Считаю необходимым включить в систему ограниченных вещных прав также право собственности на общее имущество собственников помещений в многоквартирном доме (ст. 36 ЖК РФ) и право собственности на общее имущество собственников комнат в коммунальной квартире (ст. 41 ЖК РФ), правомочия субъектов в рамках ипотечных отношений, права и обязанности лиц, возникающие при отказе от участия в приватизации жилого помещения в пользу других членов семьи.

В рамках унификации следует также добавить в главу 18 «Право собственности и другие вещные права» ГК РФ ст. 288.1 «Иные вещные права на жилые помещения»: «Ограниченные вещные права на жилое помещение возникают в случаях, установленных жилищным и иным законодательством».

Главу 5 ЖК РФ «Права и обязанности собственника жилого помещения и иных проживающих в принадлежащем ему помещении граждан» дополнить ст. 30.1 «Виды иных вещных прав на жилые помещения»:

«К иным видам вещных прав на жилое помещение относятся:

1. Право на жилое помещение членов кооператива до выплаты паевого взноса.
2. Право на жилые помещения членов семьи собственника жилого помещения.

3. Право на жилые помещения бывших членов семьи собственника.

4. Право пользования жилым помещением, предоставленным по завещательному отказу.

5. Право пользования жилым помещением на основании договора пожизненного содержания с иждивением.

6. Право собственника жилого помещения при изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд.

7. Право на общее имущество собственников помещений в многоквартирном доме.

8. Право на общее имущество собственников комнат в коммунальной квартире.

9. Право субъектов на жилое помещение в рамках ипотечных отношений.

10. Право лиц, возникающих при отказе от участия в приватизации жилого помещения в пользу другого члена семьи.

11. Право на вселение в жилое помещение несовершеннолетних детей к родителям.

12. Право лица по договору найма (аренды) жилого помещения».

Еще одной проблемой или пробелом в законодательстве является правовое регулирование отношений по регистрации ограниченных вещных прав в качестве обременения права собственности на жилое помещение.

Пункт 6 ст. 1 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» закрепляет, что государственной регистрации подлежат право собственности и другие вещные права на недвижимое имущество и сделки с ним, а также ограничения прав и обременения недвижимого имущества, которые возникают на основании договора, либо акта органа государственной власти, либо акта органа местного самоуправления, в частности сервитут, ипотека, доверительное управление, аренда, наем жилого помещения⁶.

В свою очередь, п. 3 ст. 33 ЖК РФ закрепляет, что отказополучатель по завещательному отказу вправе требовать государственной регистрации права пользования жилым помещением, возникающего из завещательного отказа. Таким образом, данное обременение может и не быть зарегистрировано, так как закон предоставляет право, а не устанавливает обязанность. Диспозитивность данной нормы может привести к нарушениям в будущем, когда новый собственник жилого помещения столкнется с таким обременением, о котором он не знал и не мог узнать, при совершении сделки.

В данном случае необходимо отметить, что особенности правового регулирования ограниченных вещных прав на жилое помещение не позволяют сегодня императивно закрепить правило об обязанности регистрировать

ограниченные вещные права на жилое помещение в отношении всех «прав пользования», так как одно из самых распространенных ограниченных вещных прав, право пользования жилым помещением членами семьи собственника, просто нерационально регистрировать.

Поэтому необходимо, основываясь на системе ограниченных вещных прав на жилое помещение, определить виды данных прав, в отношении которых требуется соблюдение условия об обязательной государственной регистрации, не отдавая принятия решения об этом на «откуп» их обладателям, которые не совершают регистрационные действия чаще всего в связи с правовой неграмотностью.

В рамках приведения в соответствие норм гражданского и жилищного права в отношении вещных прав на жилое помещение считаю необходимым также внести изменения в ст. 288 ГК РФ.

В настоящее время ст. 288 ГК РФ закрепляет, что жилые помещения могут использоваться только для проживания граждан и не допускается размещение в жилом помещении промышленных производств, что не соответствует положению ст. 17 ЖК РФ, которая закрепляет, что жилое помещение может использоваться для ведения профессиональной или предпринимательской деятельности, а также устанавливает запрет на размещение в жилом помещении религиозных организаций, за исключением случаев, установленных законом.

Поэтому в целях приведения норм к единообразию предлагаю сформулировать ст. 288 «Собственность на жилое помещение» следующим образом:

«1. Собственник осуществляет права владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему жилым помещением в соответствии с его назначением.

2. Жилые помещения предназначены для проживания граждан.

Гражданин — собственник жилого помещения может использовать его для личного проживания и проживания членов его семьи.

Жилые помещения могут сдаваться их собственниками для проживания на основании договора.

Допускается использование жилого помещения для осуществления профессиональной деятельности или индивидуальной предпринимательской деятельности проживающими в нем на законных основаниях гражданами, если это не нарушает права и законные интересы других граждан, а также требования, которым должно отвечать жилое помещение.

3. Размещение в жилых домах промышленных производств не допускается. Осуществление в жилых помещениях миссионерской деятельности запрещено, за исключением случаев, предусмотренных статьей 16 Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Размещение собственником в принадлежащем ему жилом помещении предприятий, учреждений, организа-

⁶ О государственной регистрации недвижимости : Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.10.2019).

ций допускается только после перевода такого помещения в нежилое. Перевод помещений из жилых в нежилые производится в порядке, определяемом жилищным законодательством».

Подводя итог, следует отметить, что унификация норм права позволит организовать единообразие в правоприменительной практике. Однако в процессе проведения данной работы не следует забывать о специфике предмета правового регулирования отдельных отраслей

права (в данном случае жилищного). С учетом сложности реализации Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, в том числе и в рамках создания взаимосвязанных институтов вещного права, возможно, следует задуматься о применении подхода от частного к общему, выстроив сначала систему вещных прав в отдельных отраслях права, и, проанализировав их, прийти к общему пониманию системы институтов вещных прав в рамках ГК РФ.

Литература

1. Суханов Е.А. Вещное право : научно-познавательный очерк / Е.А. Суханов. Москва : Статут, 2017. 560 с.

DOI: 10.18572/1999-477X-2020-1-39-41

Реализация права на определение порядка пользования жилым помещением собственником и нанимателем: от закона к практике

Пальцева Елена Сергеевна,
доцент кафедры теории права
и гражданско-правовых дисциплин Института экономики и права
Петрозаводского государственного университета,
кандидат юридических наук
lena-adress@mail.ru

В статье анализируется судебная практика по разрешению гражданских споров об определении порядка пользования жилым помещением. Из судебных решений следует, что суды признают право на определение порядка пользования только за собственниками жилых помещений, отказывая в этом праве нанимателям и членам их семей. Автор анализирует такой подход с позиции ст. 46 Конституции РФ и ст. 68 Жилищного кодекса РФ.

Ключевые слова: владение и пользование, жилое помещение, комната, соглашение, суд, договор социального найма, наниматель, член семьи нанимателя.

Exercising the Right to Determine the Procedure for Use of a Residential Premise by the Owner and the Tenant: From Law to Practice

Paltseva Elena S.
Associate Professor of the Department of Theory
of Law and Civil and Legal Disciplines of the Institute of Economics and Law
of the Petrozavodsk State University
PhD (Law)

The article analyzes judicial practice in resolving civil disputes about determining the procedure for using residential premises. From the court decisions it follows that the courts recognize the right to determine the order of use only for the owners of residential premises, denying this right to tenants and members of their families. The author analyzes this approach from the perspective of Article 46 of the Constitution of the Russian Federation and Article 68 of the Housing Code of the Russian Federation.

Keywords: possession and use, premises, room, agreement, court, social contract of employment, tenant, family member of the tenant.

В повседневной жизни достаточно широко распространена ситуация, когда члены семьи не могут прийти к соглашению о порядке пользования комнатами в жилом помещении (квартире, жилым домом) и обращаются за разрешением этого вопроса в суд. Суды, принимая иски к производству, разрешают споры исходя из правового статуса сторон: являются они собственниками или нанимателем, членами его семьи. В первом случае в основе решения будут нормы Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), во втором — Жилищного кодекса РФ (далее — ЖК РФ).

Судебная практика свидетельствует, что суды признают право на определение порядка пользования только за собственниками жилых помещений. В чем аргументация судов, обоснован ли такой подход и соответствует ли сложившаяся практика ст. 46 Конституции РФ, постараемся ответить в данной публикации.

Определение порядка пользования жилым помещением, находящимся в долевой собственности граждан, урегулировано ст. 247 ГК РФ, в силу которой владение и пользование имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляются по соглашению всех ее участников, а при недостижении согласия — в порядке, устанавливаемом судом.

При разрешении ситуации с собственниками во внимание принимаются три обстоятельства: фактически сложившийся порядок пользования имуществом, который может точно не соответствовать долям в праве общей собственности, нуждаемость каждого из собственников в этом имуществе и реальная возможность совместного пользования¹.

Резолютивная часть решений по таким делам, как правило, сводится к закреплению двух положений: сторонам процесса предоставляются в пользование изолированные комнаты с указанием метража каждой комнаты, отдельно прописывается, что кухня, санузел, коридор остаются в общем пользовании.

В случае, если невозможно предоставление комнаты соразмерно доле в праве собственности (например, ввиду планировки, размера, возможного нарушения прав других граждан на это жилое помещение), право собственника может быть реализовано другими способами, в том числе предъявлением требования к другим сособственникам, владеющим и пользующимся имуществом, приходящимся на его долю, соответствующей компенсации².

При этом, устанавливая порядок пользования жилым помещением, суд вправе в том числе отказать во вселении конкретному лицу, установив в качестве компенсации такому лицу ежемесячную выплату другими сособственниками денежных средств за фактическое пользование его долей, учитывая, что правомочие пользования, являющееся правомочием собственника, предполагает извлечение

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 10 июня 1980 г. № 4 «О некоторых вопросах практики рассмотрения судами споров, возникающих между участниками общей собственности на жилой дом» (в ред. от 21 декабря 1993 г.), п. 8. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/10006433/> (дата обращения: 05.11.2019).

² Подробнее см.: Самойлов Е.И. Взыскание компенсации за пользование жилым помещением, несоответствующим доле собственника (ст. 247 ГК РФ) // Семейное и жилищное право. 2018. № 3. С. 40–44.

полезных свойств вещи, которое может достигаться и за счет получения платы за пользование вещью другими лицами³.

Иная ситуация складывается с нанимателем и членами его семьи в силу того, что нормами ЖК РФ не предусмотрено определение порядка пользования жилыми помещениями, занимаемыми гражданами по договорам социального найма. Важно отметить, что сегодня имеется единообразие в разрешении этого вопроса судами, которое, на наш взгляд, нарушает принцип равенства нанимателя и членов его семьи, заложенный в ч. 2 ст. 69 ЖК РФ, и право на судебную защиту, гарантированную ст. 46 Конституции РФ.

Для иллюстрации приведем следующий пример. В двухкомнатной муниципальной квартире (комнаты изолированы) проживают отец и два его сына (оба старше 18 лет, дееспособные). Отец занимает комнату 19 кв. м, сыновья — 10,2 кв. м. Один из сыновей обращается с иском в суд об определении порядка пользования комнатами, предлагая определить за отцом комнату 10,2 кв. м, а за ним с братом — 19 кв. м. Одним из аргументов как раз и являлась ссылка на ст. 69 ЖК РФ, применив которую истец желал уравнивать занимаемую жилплощадь: на каждого члена семьи приходился бы примерно равный метраж жилой (а не вспомогательной) площади.

Однако этот и аналогичные иски остаются без удовлетворения⁴ с той аргументацией, что ЖК РФ не предусматривает заключения нескольких договоров найма вместо одного договора найма. Здесь суды апеллируют к ст. 82 ЖК РФ, которая не предусматривает изменение договора социального найма путем его «дробления», т.е. чтобы вместо одного договора стало два и более. Логика законодателя здесь понятна и направлена на сокращение квартир коммунального типа.

Суды требование об определении порядка пользования комнатами в муниципальной квартире приравнивают к требованию об изменении договора найма и заключении отдельного договора, несмотря на то, что это разные требования, влекущие установление разного объема юридически значимых обстоятельств и разные правовые последствия для сторон. Но самое главное здесь то, что истцы не заявляют требований о заключении с ними отдельных договоров, они просят суд в рамках действующего договора определить порядок пользования комнатами. Происходит принципиальная подмена понятий и, как следствие, требований истцовой стороны.

Заключение отдельных договоров найма меняет объект жилищных правоотношений: объектом права становится не квартира, а комнаты. То есть квартира превращается в коммунальную квартиру. Определение порядка пользования происходит в рамках действующего договора социального найма, без изменения объекта жилищных правоотношений.

³ Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 декабря 2017 г. № 47-КГ17-24. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71733894/> (дата обращения: 04.11.2019).

⁴ Решение Петрозаводского городского суда от 23 марта 2016 г. № 2-2303/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

Предлагаем на этот вопрос посмотреть и с другой стороны, отталкиваясь от понятия договора социального найма, данного в ст. 60 ЖК РФ: по договору социального найма жилого помещения одна сторона — собственник жилого помещения государственного жилищного фонда или муниципального жилищного фонда (действующие от его имени уполномоченный государственный орган или уполномоченный орган местного самоуправления) обязуется передать другой стороне — гражданину (нанимателю) жилое помещение *во владение и в пользование* для проживания в нем на условиях, установленных настоящим Кодексом.

Из данной конструкции следует, что собственник передает нанимателю два правомочия «владения и пользования», и несмотря на то, что эти права возникают из договора и имеют в основе своей обязательственные правоотношения, у нанимателя после передачи вещи возникает ограниченное вещное право на жилое помещение. Правоотношения приобретают вещный характер ввиду целого ряда факторов: бессрочный характер договора, сохранение прав при смене собственника и в случае смерти нанимателя (в этом случае договор перезаключается на иного совершеннолетнего члена семьи, а не прекращается), право устанавливается в отношении индивидуально-определенной вещи, абсолютный характер защиты прав нанимателя от действий третьих лиц и собственника, конкретные правомочия сторон определены законом, в первую очередь ЖК РФ.

Как отмечает Е.А. Суханов, ограниченные вещные права, как бы «обременяя вещь», всегда следуют за ней (точнее, за правом собственности на соответствующую вещь), а не за ее собственником, а право следования является характерным признаком ограниченных вещных прав⁵.

Что такое «владение» и «пользование» применительно к жилым помещениям? Отметим, что действующий ЖК РФ не разграничивает эти два понятия, часто используя словосочетание «владение и пользование», так и не содержа их дефиниций.

Правомочие владения традиционно определяется как фактическое господство над вещью, реальное обладание ею⁶. Правомочие пользования — это возможность извлечения из вещи полезных свойств, применительно к жилищной сфере — проживание (ч. 1 ст. 17 ЖК РФ). Данное правомочие раскрывается в ЖК РФ через перечисление прав нанимателя: право постоянно и беспрепятственно находиться

в жилом помещении, право на вселение членов семьи и временных жильцов и т.д. И обрамляется все нормой о том, что наниматель и члены его семьи имеют равные права и обязанности. Термин «равные» тут ключевой.

А теперь зададимся вопросом: иск об определении порядка пользования комнатами направлен на реализацию какого из правомочий: пользования (есть у нанимателя) или распоряжения (есть у наймодателя)? Ответ, на наш взгляд, очевиден — иск направлен на реализацию правомочия пользования, он имеет своей целью сделать проживание в квартире комфортным, в некоторых случаях цель — достичь равенства прав нанимателя и членов его семьи (как в нашем примере с отцом и сыновьями). Необходимо ли для этого новый договор социального найма? По нашему мнению, нет. Правоотношения коррелируются в рамках действующего договора.

Тот факт, что нормами ЖК РФ не предусмотрено определение порядка пользования жилым помещением, занимаемым гражданами по договорам социального найма, не может являться основанием для отказа в иске, поскольку иного способа защиты своих жилищных прав при отказе проживающих в квартире подписать соглашение не предусмотрено. Иное толкование противоречило бы ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, которой каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод.

В силу п. 2 ст. 7 ЖК РФ при невозможности использования аналогии закона права и обязанности участников жилищных отношений определяются исходя из общих начал и смысла жилищного законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, гуманности, разумности и справедливости. Определение порядка пользования спорным жилым помещением (без изменения договора найма жилого помещения) необходимо для дальнейшего проживания сторон в квартире, восстановления нарушенных жилищных прав.

Учитывая то, что судебная практика не признает возможности определения порядка пользования комнатами между нанимателем и членами его семьи (в том числе и бывшими) по договору социального найма, что ввиду приведенной аргументации является лишением права на судебную защиту, полагаем необходимым ввести в раздел III ЖК РФ норму, закрепляющую право нанимателя и (или) членов его семьи определять порядок пользования комнатами через суд в отсутствие соглашения между ними.

Данное положение позволит нанимателю и членам его семьи в полном объеме реализовывать правомочие «пользования» жилым помещением, предоставленным по договору социального найма.

⁵ Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С. 209.

⁶ Новицкий И.Б. Право собственности (Субъекты, объекты, содержание и защита права собственности. Право общей собственности). М.: Право и жизнь, 1925. С. 3.

Литература

1. Новицкий И.Б. Право собственности (Субъекты, объекты, содержание и защита права собственности. Право общей собственности) / И.Б. Новицкий. Москва: Право и жизнь, 1925. 64 с.
2. Самойлов Е.И. Взыскание компенсации за пользование жилым помещением, несоответствующим доле собственника (ст. 247 ГК РФ) / Е.И. Самойлов // Семейное и жилищное право. 2018. № 3. С. 40–44.
3. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк / Е.А. Суханов. Москва: Статут, 2017. 559 с.

Продажа с публичных торгов как вид ответственности за самовольную перепланировку (переустройство) жилых помещений

Синцов Глеб Владимирович,
профессор кафедры частного и публичного права юридического института
Пензенского государственного университета,
председатель Пензенского регионального отделения
Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»,
доктор юридических наук, профессор
g_sintsov@mail.ru

Гошуляк Татьяна Витальевна,
судья Первомайского районного суда города Пензы,
доцент кафедры правоохранительной деятельности
юридического института Пензенского государственного университета,
кандидат юридических наук
avtor@lawinfo.ru

В данной статье рассматриваются вопросы продажи с публичных торгов как вида ответственности за самовольную перепланировку (переустройство) жилых помещений. Авторы считают целесообразным внести в жилищное законодательство соответствующие изменения, предусматривающие досудебный порядок, перед обращением в суд с иском о сохранении жилого помещения в перепланированном (переустроенном) виде, в виде обязательного обращения в орган местного самоуправления с заявлением о согласовании перепланировки (переустройства). Указанные изменения позволят сократить случаи формальных отказов в узаконивании самовольных перепланировок (переустройств) и избежать соответствующих злоупотреблений со стороны граждан.

Ключевые слова: жилые помещения, продажа с публичных торгов, самовольная перепланировка, переустройство.

Public Sale as a Type of Liability for Unauthorized Replanning (Rearrangement) of Residential Premises

Sintsov Gleb V.
Professor of the Department of Private and Public Law
of the Law Faculty of the Penza State University
Chairman of the Penza Regional Branch
of the All-Russian Non-Governmental Organisation Association of Lawyers of Russia
LL.D., Professor

Goshulyak Tatyana V.
Judge of the Pervomaysky Subdistrict Court of Penza
Associate Professor of the Department of Law Enforcement
of the Law Institute of the Penza State University
PhD (Law)

This article deals with the sale from public bidding as a type of liability for unauthorized redevelopment (re-construction) of residential premises. The authors consider it appropriate to make appropriate amendments to the housing legislation, providing for pre-trial

procedure before applying to the court for the preservation of the housing in a rescheduled (rebuilt) form, in the form of a mandatory application to the local self-government body for the approval of the redevelopment (reconstruction). These changes will reduce the cases of formal failures in the legitimization of unauthorized redevelopment (reconstruction) and avoid appropriate abuses by citizens.

Keywords: accommodation, sale from public bidding, unauthorized redevelopment, re-construction.

Жилищный кодекс Российской Федерации признает самовольной перепланировкой (переустройством) такую перепланировку, которая проводится без наличия соответствующего разрешения для проведения подобных работ. Специальное разрешение на перепланировку (переустройство) жилого помещения должно быть выдано органом местного самоуправления¹.

При этом помимо административной ответственности, предусмотренной ст. 7.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях РФ (нарушение правил пользования жилыми помещениями), 7.22 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях РФ (нарушение правил содержания и ремонта жилых домов и (или) жилых помещений)², лицо, являющееся собственником или нанимателем помещения, правила содержания которого были нарушены, должен, как устанавливает законодатель, в разумный срок привести помещение в состояние, которое было до перепланировки (переустройства) (ч. 3 ст. 29 Жилищного кодекса РФ).

Если требования законодательства собственником или нанимателем жилого помещения не будут выполнены, по решению суда данное жилое помещение может быть продано с публичных торгов. За жилое помещение, проданное с публичных торгов, собственник получит денежную сумму, однако из нее будут вычтены судебные расходы, а также расходы, которые потребуются для приведения жилого помещения в состояние до перепланировки³. Таким образом, судебное решение является обязательным условием для инициирования процедуры продажи жилого помещения с публичных торгов.

Законодатель предусмотрел возможность продажи любого вида помещения с публичных торгов, в то время как положения Федерального закона № 78 от 27 декабря 2018 г. ограничили данную возможность лишь для жилых помещений в многоквартирном жилом доме⁴.

Вышеуказанные изменения в жилищном законодательстве, на наш взгляд, позитивно скажутся на совершенствовании механизма ответственности за нарушение требований норм жилищного права в части самовольного переустройства и (или) перепланировки, поскольку для

собственников индивидуальных жилых домов установление такой меры ответственности за самовольное перепланирование (переустройство) жилого помещения как продажа с публичных торгов не соответствует задачам и целям публичной ответственности за нарушение жилищного законодательства.

По нашему мнению, для привлечения к указанному виду ответственности собственников жилых помещений необходимо прежде всего наличие неоспоримых доказательств, что были нарушены права жителей данного дома.

В то же время, если речь идет о собственниках, а также лицах, проживающих в индивидуальных жилых домах, нарушение их прав и законных интересов может быть защищено в суде путем предъявления соответствующих требований в порядке ст. 304, 305 ГК РФ. В указанном случае включение в механизм привлечения к ответственности органов местного самоуправления, по нашему мнению, является нецелесообразным, в связи с отсутствием нарушений прав муниципального образования действиями (бездействием) собственников соответствующих индивидуальных жилых домов.

В случае с жилыми помещениями, находящимися в многоквартирных жилых домах, нарушаются публичные интересы в связи тем, что проектная документация на строительство многоквартирного жилого дома согласуется с соответствующими органами местного самоуправления.

Необходимо также отметить, что продажа квартиры с публичных торгов является крайней мерой для восстановления прав граждан. Как правило, к собственнику квартиры, которая была перепланирована, применяется ряд других мер воздействия, и только в том случае, если это не привело к результату, суд может вынести решение о продаже жилого помещения с публичных торгов. В первую очередь это связано с установленной в Конституции Российской Федерации охраной частной собственности граждан. Данной правовой позиции придерживается также Верховный Суд Российской Федерации, в частности в определении по делу от 4 декабря 2018 г. № 18-КГ18-188⁵.

Жилищное законодательство закрепляет оговорку, в соответствии с которой суд может оставить жилое помещение в перепланированном виде, если такое переустройство не создает опасности жизни и здоровью граждан, а также не нарушает их законные интересы.

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. Федерального закона от 27.12.2018 № 558-ФЗ) // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. Федерального закона от 26.07.2019 № 223-ФЗ) // Российская газета. 2001. 31 декабря.

³ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. Федерального закона от 27.12.2018 № 558-ФЗ) // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

⁴ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. Федерального закона от 27.12.2018 № 558-ФЗ) // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

⁵ Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за декабрь 2018 г. (Карпетов А.Г., Матвиенко С.В., Мороз А.И., Сафонова М.В., Фетисова Е.М.) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2.

Таким образом, положения ст. 29 Жилищного кодекса РФ не содержат запрета и не исключают полномочий органа местного самоуправления, предусмотренных п. 7 ч. 1 ст. 14, ст. 26–28 Жилищного кодекса РФ, согласовать по заявлению гражданина самовольно выполненные переустройство и (или) перепланировку и сохранить жилое помещение в существующем состоянии. В ст. 27 Жилищного кодекса РФ законодатель закрепил норму, согласно которой органы местного самоуправления имеют право отказать в согласовании перепланировки жилого помещения. Одним из таких случаев является непредставление в орган местного самоуправления документов, подтверждающих правильность проведения перепланировки, так как данная обязанность закреплена за заявителем.

Исходя из вышеприведенных норм, можно сделать вывод, что у органа местного самоуправления есть законодательно закрепленное право, которое дает ему возможность сохранить жилое помещение в перепланированном виде даже если отсутствует предварительно утвержденный проект переустройства или перепланировки.

В Обзоре судебной практики Верховный Суд разъяснил, что при наличии заявления гражданина об оспаривании отказа органа местного самоуправления о самовольном переустройстве или перепланировке суд может сохранить жилое помещение в измененном виде⁶.

Данные разъяснения, а также нормы Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации дают возможность выделить два процессуальных порядка, когда возможно сохранить жилое помещение в перепланированном виде: во-первых, в порядке искового производства, во-вторых, в порядке административного судопроизводства.

При этом следует отметить, что при оспаривании соответствующего решения органа местного самоуправления об отказе в согласовании самовольно переустроенных и (или) перепланированных жилых помещений вступившее в законную силу решение суда о признании указанного отказа незаконным не влечет за собой сохранение жилого помещения в переустроенном (перепланированном) виде, исходя из полномочий суда, перечисленных в подп. 1 п. 2 ст. 227 КАС РФ⁷.

⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 27 сентября 2006 г. «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2006 года» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 1.

⁷ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. Федерального закона от 29.07.2018 № 265-ФЗ // Российская газета. 2015. 11 марта.

Таким образом, признавая незаконным решение административного органа, суд обязывает соответствующий орган местного самоуправления рассмотреть вопрос о согласовании перепланировки (переустройства) жилого помещения; обязать согласовать соответствующую перепланировку (переустройство) суд в данном случае не вправе.

Что касается искового порядка рассмотрения вопросов сохранения жилого помещения в переустроенном (перепланированном) виде, то досудебный порядок для данной категории споров не предусмотрен жилищным законодательством.

Таким образом, отсутствие обращения заявителя за согласованием перепланировки в органы местного самоуправления не лишает гражданина права просить в суде оставить жилое помещение в перепланированном виде. Формулировка ч. 4 ст. 29 Жилищного кодекса РФ не ставит в зависимость сохранение жилого помещения в переустроенном и перепланированном состоянии от обращения либо необращения гражданина за перепланировкой и переустройством в орган, осуществляющий согласование⁸.

Также следует обратить внимание на позицию Верховного Суда РФ, согласно которой заявитель при рассмотрении дела в судебном разбирательстве обязан доказывать отказ уполномоченного органа в согласовании перепланировки (переустройства) спорного помещения. Если заявитель не может доказать факт отказа в согласовании, то суды рассматривают данную ситуацию как уклонение от соблюдения административного порядка, установленного законодательством⁹.

В связи с изложенным считаем целесообразным внести в жилищное законодательство соответствующие изменения, предусматривающие досудебный порядок, перед обращением в суд с иском о сохранении жилого помещения в перепланированном (переустроенном) виде, в виде обязательного обращения в орган местного самоуправления с заявлением о согласовании перепланировки (переустройства). Указанные изменения позволят сократить случаи формальных отказов в узаконивании самовольных перепланировок (переустройств) и избежать соответствующих злоупотреблений со стороны граждан.

⁸ Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 1 июля 2014 г. по делу № 33-1106/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Определение Верховного Суда РФ от 30 декабря 2016 г. № 306-ЭС16-17633 по делу № А55-28839/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Внимание! Акция февраля

С 1 по 29 февраля 2020 года скидка на годовую подписку на журнал «Конкурентное право» составит 30%, т.е. 1 400 руб. за 4 номера!

Спешите оформить подписку!

По вопросу оформления подписки просим обращаться по тел. (495) 617-18-88 – многоканальный; 8-800-333-28-04 (по России бесплатно) или по электронной почте: podpiska@lawinfo.ru

Дебиторская задолженность управляющей компании в сфере ЖКХ в процедурах банкротства

Холоденко Юрий Витальевич,
доцент кафедры гражданского права
Юридического института Алтайского государственного университета,
кандидат юридических наук
holodenko@de-kons.ru

Бердников Сергей Сергеевич,
аспирант кафедры гражданского права
Юридического института Алтайского государственного университета
berdnikov25@mail.ru

В настоящей статье рассматриваются отдельные правовые аспекты реализации имущества в ходе процедур несостоятельности должника, основным видом деятельности которого являлось управление многоквартирными домами. В частности, анализу подвергнута правовая природа дебиторской задолженности должника в условиях сформированного правового подхода о том, что платежи населения за поставленные коммунальные ресурсы (услуги) являются целевыми средствами, предназначенными соответствующим поставщикам услуг. Авторами рассмотрены вопросы о возможности включения указанного актива в состав конкурсной массы с целью последующей реализации.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), дебиторская задолженность, управляющая компания, реализация имущества должника, субсидиарная ответственность.

Accounts Receivable of a Management Company in the Sphere of Utility Services in Bankruptcy Procedures

Kholodenko Yuriy V.
Associate Professor of the Department of Civil Law
of the Law Institute of the Altai State University
PhD (Law)

Berdnikov Sergey S.
Postgraduate Student of the Department of Civil Law
of the Law Institute of the Altai State University

The article is devoted to the analysis of different aspects disposal of property in the bankruptcy proceedings, where obligor is a management company in housing. For example, the article looks at the issue of legal nature of debtor indebtedness taking account of a legal stance that inhabitant's payments for supplied utility services are targeted funds. The authors examine the controversial issues related to the opportunity of annexion debtor indebtedness into the bankruptcy assets.

Keywords: insolvency (bankruptcy), a debtor indebtedness, management company, the sale of a debtor's assets, subsidiary responsibility.

На протяжении последних лет в правовом регулировании процедуры несостоятельности (банкротства) прослеживается нарушение баланса в правах и обязанностях отдельных лиц, участвующих в деле о банкротстве. Определенным участникам процесса (например, ФНС

России, кредитным организациям) предоставляются дополнительные правовые гарантии защиты прав и законных интересов.

Одной из последних подобных тенденций является повышенная защита имущественных прав ресурсоснаб-

жающих организаций как конкурсных кредиторов в деле о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц, основным видом деятельности которых являлось осуществление управления многоквартирными домами.

Состояние расчетов в сфере жилищно-коммунального хозяйства отмечается отрицательным сальдо со стороны потребителей и управляющих организаций перед поставщиками коммунального ресурса¹. Так, размер задолженности за услуги ЖКХ по состоянию на начало 2018 г. едва не превысил полтора триллиона рублей, сохранив нарастающую динамику предшествующих лет².

По данным Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, общий размер задолженности как продолжающих ведение хозяйственной деятельности управляющих компаний, так и находящихся в процедурах банкротства составляет более 257 млрд руб.³ Одним из лидеров антирекорда по размеру задолженности среди организаций, осуществляющих управление многоквартирными домами, можно назвать ООО «УК «Васко» (дело № А55-32286/2015)⁴ с общей суммой неисполненных обязательств перед контрагентами 980 млн руб.

В целях повышения прозрачности системы расчетов за жилищно-коммунальные услуги, исключения возможности для управляющих компаний совершать хищение средств, перечисляемых потребителями за коммунальные ресурсы, в прошлом году приняты изменения в жилищное законодательство⁵. Самым важным из них является расширение возможностей для заключения прямых договоров о поставке коммунальных услуг с ресурсоснабжающими организациями в обход управляющих компаний. Однако данные обстоятельства не повлекли за собой переход собственников на заключение прямых договоров с поставщиками коммунальных ресурсов⁶.

Подобные обстоятельства свидетельствуют о сохранении нарастающей динамики финансово-экономических трудностей у управляющих организаций с их возможной последующей ликвидацией в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве)⁷.

В таком случае отдельного внимания заслуживают вопросы, связанные с принадлежностью должнику (управляющей организации) имущества, за счет реализации

которого возможно удовлетворение требований, предъявленных конкурсными кредиторами. Безусловно, одним из наиболее ликвидных активов такого должника является дебиторская задолженность населения за поставленные коммунальные услуги.

Вместе с тем в правоприменительной практике отсутствует единообразие в понимании природы коммунальных платежей населения, что порождает правовую неопределенность относительно вопроса о принадлежности такого актива должнику.

Судебные коллегии Верховного Суда Российской Федерации приходили к различным правовым позициям относительно одного вопроса. Так, при рассмотрении споров, возникающих относительно энергоснабжения, сделан вывод о наличии у управляющей организации статуса исполнителя коммунальных услуг, что предполагает обязательство последнего (абонента) оплатить поставленный коммунальный ресурс перед РСО. Данной обязанности корреспондирует право требовать с потребителей внесения платы за потребленные коммунальные услуги⁸.

В свою очередь, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ по-иному подошла к рассмотрению вопроса о правомерности обращения взыскания в ходе исполнительного производства на имущество (дебиторскую задолженность населения) управляющей компании⁹. ВС РФ обратил внимание на целевое назначение денежных средств (оплата задолженности перед ресурсоснабжающими организациями), поступающих от населения, указав, что должнику принадлежит лишь определенная часть в виде платы за содержание жилого помещения, а остальные средства должнику не принадлежат¹⁰.

После чего аналогичное правовое обоснование было положено в основу судебных актов при рассмотрении обособленных споров в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) об оспаривании платежей населения в период подозрительности. Верховный суд РФ отметил, что действия должника по оплате в пользу поставщиков коммунальных услуг не могут быть оспорены по основаниям, предусмотренным Главой III.1 Закона о банкротстве, так как совершены не за счет его конкурсной массы. Денежные средства, полученные от населения в качестве оплаты коммунальных услуг, не являются его собственностью¹¹.

Правовая позиция Верховного Суда РФ согласуется с судебной практикой нижестоящих судов, которые в обоснование отказа в удовлетворении заявлений об оспари-

¹ Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей: монография / М.М. Аносова, А.А. Аюрова, Ю.Н. Беляева и др.; отв. ред. А.В. Габова, Н.В. Путило. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. С. 82.

² Коммерсантъ. 2019. 16 января.

³ См.: URL: <http://www.minstroyrf.ru/press/zadolzhennost-upravlyayushchikh-kompaniy-snzilas-na-12/>

⁴ См.: URL: <https://kad.arbitr.ru/>

⁵ Федеральный закон от 3 апреля 2018 г. № 59-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 2015 (часть I). Ст. 2030.

⁶ Канцер Ю.А. Ресурсоснабжение жилищно-коммунального хозяйства России: вопросы теории и практики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан. М.: Юстицинформ, 2017. С. 50.

⁷ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 419.

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 7 декабря 2015 г. № 303-ЭС15-7918 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Гусаков С.Ю. Обращение взыскания на дебиторскую задолженность // Практика исполнительного производства. 2018. № 4. С. 14.

¹⁰ Определение Верховного Суда РФ от 17 августа 2016 г. № 309-КГ16-9974; Определение Верховного Суда РФ от 27 октября 2015 г. № 307-ЭС15-13032 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Определение Верховного Суда РФ от 13 июня 2017 г. № 303-ЭС17-5967 // СПС «КонсультантПлюс».

вании подобных сделок должника указывали на целевой характер поступающей от населения платы за коммунальный ресурс. Следовательно, дебиторская задолженность не подлежала включению в конкурсную массу по правилам ст. 131 Закона о банкротстве, а поэтому действия должника по ее отчуждению не могут быть оспорены по основаниям, предусмотренным ст. 61.2, 61.3 Закона о банкротстве¹².

В таком случае управляющая организация, являясь должником по обязательству уплатить денежные средства за поставленный коммунальный ресурс, не обладает правами на поступающие платежи от населения. Давая оценку сложившейся судебной практике, следует отметить обоснованность направленности правового подхода на защиту законных прав и интересов добросовестных участников экономического оборота (собственников жилых помещений, ресурсоснабжающих организаций).

Вместе с тем подобные выводы противоречат действующему законодательству, в которое своевременно соответствующие изменения не внесены.

Как следствие, в настоящий момент в ходе процедуры несостоятельности (банкротства) в отношении должника — управляющей компании — имеется ряд неразрешенных и, в свою очередь, принципиально важных вопросов.

Например, в результате признания того, что поступающие от населения денежные средства не составляют конкурсную массу должника, конкурсный управляющий без учета положений ст. 134 Закона о банкротстве должен осуществлять расчеты с ресурсоснабжающими организациями (поставщиками коммунальных услуг) путем перечисления причитающейся им части поступающих (взысканных) платежей от населения.

Вопрос о соответствии таких действий арбитражного управляющего требованиям закона, по нашему мнению, является открытым и находящимся в режиме правовой неопределенности.

Формирование конкурной массы за счет денежных средств, не являющихся имуществом должника, и их последующее распределение на текущие обязательства также могут быть признаны судом незаконными действиями арбитражного управляющего, в результате которых у ресурсоснабжающей организации возникли убытки¹³.

При этом ресурсоснабжающая организация включается в реестр требований кредиторов такого должника с задолженностью по оплате коммунальных платежей. При осуществлении таких расчетов погашаются ли тре-

бования поставщиков коммунальных услуг, включенных в реестр требований кредиторов (или текущих обязательств)?

Отсутствие единообразного подхода вызывает сложности и в решении вопроса об обоснованности оплаты деятельности по взысканию коммунальных платежей с населения и расчетов с поставщиками коммунальных услуг за счет конкурсной массы. С одной стороны, дебиторская задолженность населения согласно судебной практике не подлежит включению в конкурсную массу. С другой стороны, во взысканной сумме дебиторской задолженности населения есть часть, причитающаяся управляющей компании. Однако с учетом расходов следует в каждом конкретном случае оценивать экономическую обоснованность подобной деятельности.

Кроме того, принципиальным является вопрос о возможности и условиях реализации дебиторской задолженности населения за коммунальные услуги. Сформированный правовой подход, учитывающий целевое назначение поступающих от населения денежных средств, предполагает, что поступившие от реализации такого имущества денежные средства подлежат распределению лишь между ресурсоснабжающими организациями (поставщиками коммунальных услуг) пропорционально причитающейся каждому из них части в дебиторской задолженности. При этом остальные кредиторы, находящиеся в одной очереди реестра требований кредиторов, не получают удовлетворения своих требований.

Безусловно, специфика сферы деятельности должника — управляющей компании — предполагает превалирующее количество конкурсных кредиторов, являющихся поставщиками коммунальных услуг. Однако при наличии иных кредиторов предложенная схема распределения денежных средств, очевидно, не сохраняет баланса интересов лиц, участвующих в деле о несостоятельности (банкротстве).

Кроме того, сложности возникают и при решении вопроса о механизме передачи прав должника — управляющей компании по взысканию задолженности населения за потребленные ресурсы соответствующему поставщику услуг¹⁴. Возможность заключения договора уступки прав судебной практикой также ставится под сомнение, указывая на отсутствие прав требования у должника, несмотря на сохранение прямых договорных отношений с поставщиками коммунальных услуг и продолжение взыскания с должника в исковом порядке текущей задолженности населения¹⁵.

Также вызывающим правовую неопределенность является вопрос о возможности включения задолжен-

¹² Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 4 февраля 2019 г. по делу № А04-3097/2017; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25 июня 2018 г. по делу № А03-7718/2016; Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 6 декабря 2018 г. по делу № А04-3097/2017; Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 марта 2019 г. по делу № А65-10682/16 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 9 октября 2019 г. по делу № А03-7608/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Полевая К.Д. Передача дебиторской задолженности должника по договорам уступки права требования (цессии) как способ выведения активов в деле о банкротстве // Юрист. 2017. № 4. С. 17; Петухова И.Э. Правовые проблемы оспаривания дебиторами банкротом договора уступки права требования дебиторской задолженности банкрота // Банковское право. 2018. № 6. С. 35.

¹⁵ Определение Верховного суда РФ от 4 сентября 2017 г. № 310-ЭС17-11476 // СПС «КонсультантПлюс».

ности по обязательствам перед ресурсоснабжающими организациями в размер субсидиарной ответственности, определяемой в связи с неисполнением обязанности по обращению в суд с требованием о признании должника банкротом¹⁶.

Правоприменительная практика не признает возможности включения указанной задолженности в размер субсидиарной ответственности, поскольку РСО, продолжая исполнять свои обязательства по договору с управляющей организацией в условиях осведомленности о неисполнении последним своих обязательств, действовали добровольно, на свой риск, что соответствует понятию о предпринимательской деятельности, изложенному в ст. 2 ГК РФ¹⁷. Следовательно, в данном случае отсутствует такой признак, как вступление в правоотношения с неплатежеспособной организацией в условиях сокрытия от контрагента такого состояния должника, необходимый для привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности и по основанию, предусмотренному ст. 9 и п. 1 ст. 61.12 Закона о банкротстве¹⁸.

Подводя итог, следует отметить обоснованность направленной правоприменительной практики Верховного Суда РФ на защиту законных прав и интересов добросовестных участников экономического оборота (население, ресурсоснабжающие организации), на создание благоприятной инвестиционной привлекательности в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Вместе с тем подобная правовая позиция, опережающая законотворческую деятельность, породила множество обособленных споров, существенно влияющих на ход процедуры несостоятельности (банкротства) в отношении должника — управляющей компании.

По нашему мнению, в целях устранения разногласий, в том числе по вопросу правовой природы коммунальных платежей, поступающих должнику, следует дополнить п. 2 ст. 131 Закона о банкротстве следующим содержанием:

«Из конкурсной массы должника, являющегося юридическим лицом, осуществляющим деятельность по содержанию и управлению общим имуществом в многоквартирном жилом доме (домах), а также предоставление коммунальных услуг гражданам, проживающим в этом доме (домах), — исключаются денежные средства на специальном банковском счете, которые подлежат переводу ресурсоснабжающим организациям».

Наличие установленных в законе оснований для исключения указанных денежных средств из конкурсной массы будет способствовать единообразию судебной практики и отсутствию разногласий среди лиц, участвующих в деле о несостоятельности (банкротстве).

¹⁶ Рыков И. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации. М.: Статут, 2017. С. 102.

¹⁷ Наумова О. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц // Административное право. 2019. № 1. С. 45; Осипова З. Субсидиарная ответственность руководителя управляющей организации в сфере ЖКХ // Жилищное право. 2018. № 2. С. 10.

¹⁸ Определение Верховного Суда РФ № от 3 сентября 2018 г. № 304-ЭС18-12501; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 6 июня 2018 г. по делу № А27-15160/2016; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24 сентября 2018 г. по делу № А27-11996/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Аносова М.М. Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей : монография / М.М. Аносова, А.А. Аюрова, Ю.Н. Беляева; ответственные редакторы А.В. Габов, Н.В. Путило. Москва : ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. 272 с.
2. Гусаков С.Ю. Обращение взыскания на дебиторскую задолженность / С.Ю. Гусаков // Практика исполнительного производства. 2018. № 4. С. 13–24.
3. Канцер Ю.А. Ресурсоснабжение жилищно-коммунального хозяйства России: вопросы теории и практики : монография / Ю.А. Канцер; ответственный редактор В.А. Вайпан. Москва : Юстицинформ, 2017. 196 с.
4. Наумова О. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц / О. Наумова // Административное право. 2019. № 1. С. 39–55.
5. Осипова З. Субсидиарная ответственность руководителя управляющей организации в сфере ЖКХ / З. Осипова // Жилищное право. 2018. № 2. С. 7–16.
6. Петухова И.Э. Правовые проблемы оспаривания дебиторами банкротом договора уступки права требования дебиторской задолженности банкрота / И.Э. Петухова // Банковское право. 2018. № 6. С. 34–39.
7. Полевая К.Д. Передача дебиторской задолженности должника по договорам уступки права требования (цессии) как способ выведения активов в деле о банкротстве / К.Д. Полевая // Юрист. 2017. № 4. С. 14–18.
8. Рыков И. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации / И. Рыков. Москва : Статут, 2017. 192 с.

Новости законодательства

С 1 января 2020 года меняется порядок назначения и осуществления ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) ребенка

Право на получение ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого или второго ребенка теперь возникает в случае, если размер среднедушевого дохода семьи не превышает 2-кратную величину прожиточного минимума трудоспособного населения, установленную в субъекте РФ.

Предусматривается, что гражданин имеет право подать заявление о назначении ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого или второго ребенка в любое время в течение 3 лет со дня рождения ребенка.

Ежемесячная выплата назначается до достижения ребенком возраста одного года. По истечении этого срока гражданин подает новое заявление о назначении указанной выплаты сначала на срок до достижения ребенком возраста 2 лет, а затем на срок до достижения им возраста 3 лет.

Также устанавливается, что осуществление ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого или второго ребенка прекращается, в числе прочего, при достижении ребенком возраста 3 лет — со дня, следующего за днем исполнения ребенку 3 лет.

См.: Федеральный закон от 02.08.2019 № 305-ФЗ; Приказ Минтруда России от 28.08.2019 № 588н.